

ЦАРСКОЕ ДЕЛО

СЕРГЕЙ
БУЛЬГА

Исторические
Приключения

Исторические приключения (Вече)

Сергей Бульга

Царское дело

«ВЕЧЕ»

2014

Булыга С. А.

Царское дело / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ», 2014 — (Исторические приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-7508-9

Царь Иван Васильевич Грозный умер 18 марта 1584 года в Москве при загадочных обстоятельствах. Что это – скоропостижная смерть или коварное убийство? Расследовать предполагаемое преступление берутся два самых знаменитых сыщика Разбойного приказа: многоопытный Трофим Пыжов и юный Маркел Косой, с подвигами которого при поимке виновников гибели царевича Димитрия читатели уже успели познакомиться на страницах романа «Углицкое дело».

ISBN 978-5-4444-7508-9

© Булыга С. А., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Сергей Булыга

Царское дело

© Булыга С. А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

1

В одна тысяча пятьсот восемьдесят четвертом году от Рождества Христова, в семнадцатый день марта, ближе к вечеру, въехал в Москву через Арбатские ворота человек. Звали его Маркел Косой, и ехал он издалека, от самой литовской границы, где в одном малом глухом городишке (городишко назывался Рославль) служил губным целовальником. А тут вдруг выдалось ему ехать в саму Москву! Даже не выдалось, а просто привалило, потому что у него в санях было полным-полно всего, чего только душа пожелает. А с виду сани у него были как сани, плотно прикрытые рогожей и еще сверху для верности прихвачены веревками. Но все равно Маркел то и дело оглядывался и будто невзначай кнутом помахивал. И, с нами крестная сила, никто его добра за всю дорогу так и не тронул, и дело кончилось тем, что Маркел доехал до Москвы, даже до самого Кремля, без огорчений. Только уже возле Кутафьей башни, когда он начал было поворачивать на Каменный мост, вдруг, откуда ни возьмись, выскочил ему наперез стрелец и злобно закричал, что ты, мол, разве не видишь, что дальше ворота на запоре, вот я тебе сейчас дам по сусалам! Маркел, конечно, мог сойти с саней и показать стрельцу... Но не стал он с ним связываться, а только спросил с удивлением, чего это ворота вдруг в такую рань закрыли.

– Не твое дело! – сердито ответил стрелец. – Закрыли, значит, так велели. Езжай дальше.

И Маркел мимо закрытых Ризположенских ворот поехал вдоль Неглинки дальше, а там через другой мост, деревянный, заехал в Китай-город, где уже через Никольские ворота въехал-таки в Кремль и там дальше все время держал прямо, пока опять почти что не доехал до тех же самых Ризположенских ворот, но только с другой стороны. Вот какой ему пришлось дать крюк, даже почти удавку, из-за одного стрельца! А еще и день тогда был мокрый, слякотный, и все дороги, как это всегда в Москве, были разбиты в кашу, а Маркелова Милка-кобылка и без того за день умаялась. Поэтому так получилось, что, когда Маркел уже все же доехал до нужного ему двора, пришлось ему вставать с саней, брать Милку за хомут и помогать ей идти дальше, а то она сама уже не шла.

Ворота на тот двор были распахнуты настежь. Да только кто туда добром зашел бы! Но об этом после. А так дальше было вот что: Маркел вошел в тот двор и мимо главного крыльца (на котором стояли стрельцы, и он им показал, что надо) прошел вдоль боярских хором налево за поварню и уже только там остановился. Время по мартовской поре было уже довольно позднее, начинало смеркаться, и поэтому хоть там, куда он тогда зашел, кругом было полно разных служб, но никого из дворни нигде видно не было. Да Маркелу они были не нужны, он сам знал, куда ему идти дальше: справа при главной хоромной стене была устроена лестница мимо подклети на первый жилой этаж, и там дальше, вдоль помоста, за перилами, были видны три двери. Маркелу нужно было в третью.

И только он так подумал, как эта третья дверь вдруг распахнулась, и из нее на помост вышел рослый, крепкий, в черной однорядке человек лет сорока, а то и больше. А Маркелу было чуть за двадцать. Ну, или двадцать пять, не больше. Этот человек из той третьей двери, упершись руками в перила, внимательно посмотрел на Маркела, и было понятно, что узнал его, но все равно спросил:

– А это еще кто? И по чью душу?

– По твою, дядя Трофим, – ничуть не смущаясь, ответил Маркел. – Если, конечно, позволишь.

– Га! – громко выдохнул дядя Трофим (а его почти что все так называли). – По мою? А сам ты кто?

– А мы рославльские, – сказал Маркел. – Маркел меня зовут. Косой. Ты у нас летом был.

– Ну, был. И что?! – строго спросил дядя Трофим.

– Так, ничего, – скромно ответил Маркел. – Ехал мимо, дай, думаю, заеду. Вот.

И покосился на сани.

Дядя Трофим задумался, утер губы ладонью, повернулся и неспешными шагами сошел с лестницы, подошел к Маркелу и сказал:

– Помню тебя, как же, помню. И всех ваших тоже. Служба такая, черт ее дерит, всех помнить. – И вдруг очень тихо добавил: – А что в санях?

– Так, всякое, – уклончиво ответил Маркел, тоже негромким голосом. – Гуси битые. Рыбка сушеная. Брусничка. Клюковка. Медок. Ну, и еще чего по мелочи.

– Зачем это?! – еще строже спросил дядя Трофим, уже совсем почти неслышно. – И кому?!

– Ну, как кому? Боярину, – так же тихо ответил Маркел. И почему-то прибавил: – Гостинец.

– Да ты что это себе позволяешь?! – грозно сказал дядя Трофим. – Дачи суешь?! А если государь узнает?! Срубят голову! Да это у нас... О!

И дядя Трофим начал оглядываться. Но вокруг по-прежнему никого не было, а только стало еще сумрачней. Маркел повернулся к Милке и стал поправлять на ней хомут. А после отступил к саням и взялся за вожжи.

– Эй, ты чего?! – спросил дядя Трофим.

Маркел молча расправил вожжи и уже приготовился ими встряхнуть.

– Ты мне это не дури! – сказал дядя Трофим уже совсем сердито. – Ты куда это теперь собрался?!

– Домой, – просто сказал Маркел.

– Домой! – передразнил его дядя Трофим. – А люди скажут: а чего это он ездит? Туда-сюда, туда-сюда! Может, он умысел какой имеет? Может, погубить кого задумал?!

– Так что, – спросил Маркел, – мне тогда теперь делать?

– Га! – громко сказал дядя Трофим. – Ну, не на морозе же стоять. На вот, занеси пока что хоть сюда. – И он показал на дверь в подклеть. – Там открыто. И никто оттуда не возьмет, не бойся. У нас с этим строго. Га-га! Место же какое, сами понимаете!

– А после что? – спросил Маркел, глядя на дверь.

– После придумаем, – уже совсем уверенно сказал дядя Трофим. И еще радостней продолжил: – А вон Филька идет! – И позвал: – Филька! Иди сюда!

Подошел какой-то Филька, от него крепко разило непонятно чем, и по приказу дяди Трофима он начал помогать Маркелу переносить мешки в подклеть. То есть Филька и Маркел носили, а дядя Трофим стоял. Когда все было перенесено, дядя Трофим велел Фильке взять Милку, поставить ее где-нибудь под крышу и задать чего-нибудь поесть. Филька повел Милку в конюшню. Дядя Трофим, еще немного помолчав, сказал:

– Не готовился я сегодня к гостям. Да и живу я бобылем. Так ты это... Возьми того-сего на пробу. – И, оживившись, прибавил: – А то завтра понесу боярину, и вдруг это не то? И он тогда как взъярится!

Маркел понимающе кивнул, открыл дверь в подклеть, взял, с большего, немного закусить и выпить, и они пошли к дяде Трофиму. Дядя Трофим шел впереди и что-то негромко насвистывал. Дядя Трофим, как Маркел это помнил, был человек веселый, хоть и служил в очень серьезном месте – в Разбойном приказе.

2

Жилище у дяди Трофима было, как у всякого бобыля, плохо устроенное, бедное. Вначале Маркел следом за хозяином вошел в узкие темные сени, где сбоку стояла обыкновенная крестьянская лавка, а на ней ведро с водой. В ведре плавал деревянный ковш. Дальше прямо вперед была одна дверь, наверное, в чулан, а налево вторая – в светлицу.

Если, конечно, эту полутемную каморку можно было так назвать. Убранство там было самое нехитрое: стол да лавки. Маркел повернулся к красному углу и перекрестился на икону.

А вот икон у дяди Трофима было много, и среди них немало очень знатных. Но знатнее всех была Николина икона – сразу видно, очень старая, потому что сильно потемневшая. Да и письмо там было очень гладкое, сейчас, сразу подумал Маркел, так уже и не напишут. И, не сводя глаз с Николы, Маркел еще раз перекрестился – еще шире, а после поклонился низко, проведя рукой по половицам. Дядя Трофим радостно спросил:

– Хорош Никола?

– Эх-х! – только и сказал Маркел. И опять стал смотреть на Николу. Лоб у Николы был сильно наморщенный, взгляд неподвижный, строгий. Маркел оробел, отвел глаза...

И только теперь увидел, что в светлице есть еще одна дверь, ведущая, так надо думать, на вторую половину.

Но это что! А вот возле двери, в самом углу, висел богатый турецкий ковер, а на нем сабли, и ножи, и пицаль, и два пистоля. Маркел до этого пистолей никогда близко не видел, не то что в руках не держал, поэтому он сразу же шагнул к коврику, глаза у него снова загорелись, но уже совсем не так, как при виде Николы.

Но дядя Трофим строго сказал:

– Это после. Пока ставь на стол.

Маркел опомнился и отступил, положил на стол мешок с провизией и рядом поставил бутылку и бутылку. Дядя Трофим тем временем откинул занавеску и взял с полки два шкалика – серебряных. Маркел, глядя на них, подумал, что дядя Трофим не только жены, но и прислуги не держит, вот это бобыль так бобыль. А не сказать, что бедный; вон какой ковер, его продай, и на три года хватит. А то и на пять!

Дядя Трофим велел садиться. Маркел сел к столу, с краю, конечно, как приезжий. Дядя Трофим взял сушеную рыбу, ловко разломил ее и одну половину дал Маркелу, а ту, которая без головы, оставил себе. И кивнул. Маркел взял бутылку и налил по шкаликам. Дядя Трофим принялся, после взял шкалик и поднес его к губам, принялся еще раз и спросил:

– Что это?

– Вот и мы тоже про это думали, – сказал Маркел. – Спор у нас вышел с Карпом Никанорычем. Я говорю одно, а он говорит: нет.

– Где взяли? – спросил дядя Трофим.

– В хованке. Лежал бочоночек, – начал рассказывать Маркел. – Мы стали на него запись составлять. Я попробовал и говорю: литовское. А Карп Никанорыч: наше! А кто прав? Там же до границы всего две версты, так что могли и те, и наши подложить. Мы тогда сделали засаду. Три дня просидели. Никто не пришел! Карп Никанорыч рассердился, говорит: ты, как поедешь, забирай это с собой, и пусть Трофим Порфирьевич определит.

Дядя Трофим посмотрел на Маркела, строго свел брови и медленно выпил. После пожевал губами и сказал:

– Пиши: литовское. На березовых шишках и этого году. Но боярину я такое нести не советую. Пойло собачье, вот что это! Боярин за него может и шкуру снять. Ему, если чего несут, так помягче, послаще. Мальвазию ему подай, венгерское. А ты что принес?!

– Так это мы только тебе на пробу, – ответил Маркел. – Это вроде как по службе, на проверку. А боярину мы вот чего!

И он показал на бутылку.

– А там что? – настороженно спросил дядя Трофим.

– Мед стоялый. На папараць-цветке.

– На чем?

– Ну, это тоже из Литвы. Слово такое литвинское: папараць-цветка, – торопливо зачастил Маркел. – А по-нашему: цветок папоротника. Кто выпьет, тот сразу...

– А! – радостно сказал дядя Трофим. – Понятно! Чтобы хованки легко искать! Чтобы под землей на три аршина видеть! Га-га-га! Это твой Карп ловко придумал! Это боярина потешит! Если, конечно, там тоже не дрянь. Как здесь!

И он посмотрел на бутылку. Маркел смутился. Дяде Трофиму стало его жалко, он сказал:

– Да ты не кручинься. Наливай еще. Может, я с первого раза ошибся. Может, это и не дрянь.

И он опять взялся за шкалик. Маркел налил ему с горкой.

– Со свиданьем! – сказал дядя Трофим.

И они выпили.

– Ну, вот! – сказал дядя Трофим. – Теперь уже немного мягче.

И начал закусывать. А из закусок там были в туюсах грибочки, брусничка, капусточка, огурчики, еще грибочки, это уже рыжики – маленькие, в полденьги, хрустящие. Ну, и, конечно, копченый кабанчик. Дядя Трофим приналег на него: достал из-за голенища нож и подрезал кабанчика, и подрезал, а Маркел только успевал наливать ему с горкой (а себе только по первый верхний ободок).

А разговор между ними был такой: сперва дядя Трофим спросил, как у них идут дела, и Маркел ответил, что дела идут хорошо, злодея, который прошлым летом сбежал от них по Марьинской насыпи, они осенью поймали и поставили на стряску, на второй стряске он обомлел, а когда его сняли и дали очухаться, он сразу всех своих назвал и место показал, и все это сбылось.

– Всех взяли! – закончил Маркел и, не удержавшись, потому что уже выпил, хлопнул ладонью по столу.

– Вот! – подхватил дядя Трофим. – Сразу на стряску! Это верно! И я своим тоже вчера говорил: на стряску его надо, на стряску! А они: нет, на виску! А ему что? И он висит себе, на нас сверху смотрит и только поплеывает.

– Кто? – спросил Маркел.

Дядя Трофим нахмурился и помолчал. После кивнул на бутылку. Маркел еще налил. Дядя Трофим опять кивнул, и они молча, не чокаясь, выпили. Не чокались они потому, что дядя Трофим свой шкалик для чоканья не подставлял. А выпив, утерся тыльной стороной ладони и вполголоса, очень печально сказал:

– Хворает государь. Крепко хворает!

Маркел молчал. Дядя Трофим спросил:

– Ты как к нам сюда заехал? Прямо?

– Нет, через Никольские, – сказал Маркел.

– Вот так! Через Никольские! – со значением сказал дядя Трофим. – Потому что Ризположенские стоят закрытые. И также Фроловские, это уже третий день! Одни Никольские открыты! Почему? Потому что замысел имеется!

– На кого? – тихо спросил Маркел.

В ответ дядя Трофим только многозначительно хмыкнул. Маркел выжидающе молчал. Тогда дядя Трофим продолжил:

– И все это вот здесь, на моей шее! – и для наглядности постучал себя по ней ребром ладони.

– А как, – спросил Маркел, – вы про эту страсть дознались?

– Очень просто, – сказал дядя Трофим. – Сорока на хвосте принесла. И я поехал. А это туда – за Новгород. За Ладогу. За Валаам. И там этот колдун, лопарь, Уйме Пойме. Нехристь, конечно. Я, говорил, знаю, мало вашему царю править осталось, помрет он скоро, как соб... Тьфу! Прости, Господи! – Дядя Трофим перекрестился, потом продолжал: – Говорит: пришла комета, это она по его душу, гореть ему огнем, спалит она его, будет его огонь жечь изнутри... Ну, и так дальше, много всякого, мы все это записали. И повезли сюда. И здесь в застенок. Боярин князь Семен у него спрашивает: кто тебя, пес, подучил? А он: я сам. И еще: а вы что, кометы не видели? Мы говорим: ну, видели. А он: тогда чего спрашиваете? Разве вы не знаете, для чего кометы запускаются? Чтобы дать нам знать, что скоро у нас будет большой огонь, потому что... Ну, ты понимаешь!

Маркел кивнул, что понимает. Дядя Трофим молчал. Маркел спросил:

– И что?

– А ничего! – сказал дядя Трофим. – Ему что?! Мы его на дыбу, он висит. Мы его в кнуты, а он опять висит. Государя принесут... – Тут дядя Трофим замолчал, пристально посмотрел на Маркела и строго сказал: – И ты не сболтни где по дурости, понял?!

Маркел кивнул. Дядя Трофим продолжил:

– Не ходит уже государь. Встать не может. Разнесло его всего! В чирьях весь! Огнем весь горит! А этот нехристь насмехается: не жилец ты, говорит, великий царь-государь, дни твои сочтены, помрешь ты в среду, в Кириллов день.

– Так сегодня уже вторник! – воскликнул Маркел.

– А завтра среда, – сказал, недобро усмехаясь, дядя Трофим. – Кириллов день завтра. Завтра срок. И я говорю: надо его на стряску! И сечь до кости, чтобы он порчу снял! А князь Семен отвечает: больше трех раз в день поднимать на дыбу не положено, таков закон. А я: какой закон! А если государь помрет?! А князь...

И дядя Трофим замолчал, начал оглядываться. А после перегнулся через стол и прошептал Маркелу на самое ухо:

– А князь Семен отвечает: значит, такова будет Господня воля!

И резко сел на место и перекрестился. Маркел тоже. Дядя Трофим посмотрел на бутыль. Маркел налил. Дядя Трофим сказал обычным голосом:

– А ведь так оно и есть: все мы под Богом ходим. Как он пожелает, так и будет. Вот за это мы и выпьем.

Они молча выпили. Дядя Трофим утерся и сказал:

– Я сегодня целый день там был, в застенке. Рук, ног не чувал, так устал! А после только пришел, только прилег вздремнуть, слышу: сани подъезжают. И это ты. А завтра мне с утра опять туда. Может, еще до свету. Так что мне сейчас много пить нельзя. А то поднимут ночью, и надо идти к царю, а я – как грязь! Разве это дело?

Маркел мотнул головой, что не дело.

– Ладно, – сказал дядя Трофим. – Хватит про это. Ты лучше про себя расскажи, что там у вас, как Карп, как воевода.

– Воевода у нас теперь новый, – ответил Маркел. – Старого еще по осени сменили. У нас же их почти что каждый год меняют. Чтобы корней не пускали.

– Да-а! – нараспев сказал дядя Трофим. – И так сейчас везде. Царь у нас строгий. А если с ним вдруг что? Кого после него садить? А... – и опять замолчал, начал невольно осматриваться, а после сказал в сердцах: – А! Наливай! Все равно вечер пропал. А завтра если даст Бог день, так даст, и чем голову поправить.

Маркел начал наливать, а сам подумал: темнишь ты, дядя Трофим, ох, темнишь, какая еще комета, не было этой зимой никаких комет, тихо было, слава Богу, а вот три года тому назад была, что правда, то правда, и бед она наделала. Подумав так, Маркел отставил на место бутылку и взялся за шкалик. Они выпили.

– Надо закусывать, – сказал дядя Трофим. – А то вдруг и в самом деле посреди ночи поднимут и скажут: иди на службу! А как я пойду?

И он срезал себе еще кусок кабанчика. Маркел осмелел и спросил:

– А как это так получается, дядя Трофим, что наш такой грозный царь-государь вдруг какому-то нехристю такую волю дал?!

– Какую еще волю? – настороженно спросил дядя Трофим.

– Ну как какую?! – удивленно продолжал Маркел. – Ведь раньше всегда было как? Ведь же только государь почует или ему только подумается, что кто-то на него недоброе задумал, так, будь это хоть самый знатный боярин, а хоть и высший иносечский чин, он же его сразу на плаху! И голову долой! А тут какой-то лопарь – и вдруг напрямую царю говорит, что ему завтра не жить, и царь это терпит. Как такое понимать?!

Дядя Трофим помолчал, после даже поморгал глазами и очень сердито, но очень негромко спросил:

– Ты это что, с меня допрос снимаешь?

– Зачем допрос? – сказал Маркел. – Просто любопытно стало.

– Га! – громко выдохнул дядя Трофим уже не таким сердитым голосом. – А ты ловкий мальчик. И как это я тебя, когда у вас был, просмотрел?!

Тогда Маркел, уже совсем осмелевший, продолжил:

– И еще комета. Это про какую разговор? Не слышал я в этом году про кометы.

Дядя Трофим недовольно нахмурился, пожевал губами, посмотрел на бутылку... Но кивать на нее не стал, а сказал уже вот что:

– Это была непростая комета. Не всем было дано ее видеть. А вот царь видел! И кое-кто еще другой. А ты кто такой?! Вот ты и не видел. И сколько можно болтать?! Я весь день был на ногах и завтра буду также, а ты знай себе лясы точишь. Тебе что?! Ты в разъезде, ты завтра можешь хоть до самого вечера дрыхнуть, а мне ни свет ни заря сразу в застенки, на службу. Ложись спать! Вот прямо здесь, на этой лавке. Завтра обо всем договорим.

Маркел спорить не стал и, осмотревшись, сразу начал разуваться.

– Погасишь свет! – строго сказал дядя Трофим, а сам развернулся и пошел к той двери, которая была возле ковра с пистолетами.

Маркел поплевал на пальцы и взялся ими за лучину. Огонь пошипел и погас. Маркел положил шапку под голову, лег, закрыл глаза...

Но тут же спохватился и, опять открыв их, повернулся к иконам, к мерцавшей там лампаде, перекрестился и подумал, что в очень недоброе время приехал он в Москву. Не дай Бог, подумал Маркел дальше, с царем что-нибудь случится – что тогда? А что-нибудь случится обязательно! Помрет царь – будет один случай, выживет – будет другой. Если помрет, бояре между собой схватятся, потому что у царя два сына и одни бояре станут за одного, а вторые за второго, и что тут тогда в Москве начнется, даже представить страшно. Ну а если царь выживет, то он тогда сразу начнет розыск, откуда этот лопарь взялся, кто его научил такие речи говорить на государя, грозить ему смертью?! И как пойдет садить на колья, рубить головы, варить в котлах, веревками перетирать... И что там еще? А, вот, травить медведями. Подумав про медведей, Маркел вздрогнул, это ему было знакомо, он таким царя однажды видел. И, чтобы больше это не вспоминать, Маркел зажмурился. А чтобы совсем отвлечься, стал вспоминать слова дяди Трофима и думать, для чего ему было темнить...

А для чего ему говорить правду, тут же подумал Маркел. Кто он такой дяде Трофиму? И кто он вообще такой? И тут Маркел как задумался, кто он в самом деле такой и для чего он

сюда, в Москву, приехал и откуда, и дальше как начал вспоминать то одно, то другое, так очень скоро не заметил, как заснул.

3

Но долго поспать ему не дали. Еще было темно, когда Маркел услышал, как затопали по ступеням сапоги, а после рванули дверь. Маркел хотел встать, но не смог, очень уж болела голова, и поэтому он только приподнялся и увидел – в дверях стоят двое. Один из них громко воскликнул:

– Трофим, мать твою, ты где?!

Маркел сунул руку к ножу. Те двое сразу кинулись к нему. Маркел остерегся бить ножом и затаился. И слава Богу! Один из них склонился на Маркелом и в сердцах сказал:

– Так это не Трофим. – И сразу спросил: – А где Трофим?

– Там, – сказал Маркел, показывая в сторону ковра.

Там тут же отворилась дверь, и из нее вышел дядя Трофим. Он был уже полностью одет и теперь только пригладил волосы, надел шапку и спросил почти веселым голосом:

– Что случилось?

– Ироды! – в сердцах сказал первый вошедший. – Басурмане! Царь-государь при смерти, а у них только пьянка на уме.

Дядя Трофим молчал, смущенно отирая бороду. Маркел уже сидел на лавке, держал перед собой свой полушубок и искал в нем рукава.

– Кто это? – спросил про него первый вошедший.

– Племянник мой, – сказал дядя Трофим. – Рославльский. Из губной избы.

– А! – уже мягче сказал тот вошедший. Но тут же опять помрачнел и продолжал, тряся перед Маркелом пальцем: – Никуда не выходить! Сидеть и ждать здесь! Понял?

Маркел ответил, что понял. И эти ушли, уведя с собой дядю Трофима. Маркел сидел на лавке, думал. Тем временем уже немного посветлело, на столе уже стали видны объедки вчерашней гулянки. Маркел поморщился. После не удержался и взял со стола огурец. И съел его. После взял еще два огурца. После покосился на иконы, на Николу. Никола смотрел очень мрачно. Маркел перекрестился. Никола будто моргнул. Маркел еще перекрестился, лег, отвернулся к двери и прислушался. Было еще тихо, значит, еще совсем рано, все службы спят...

Кроме, конечно, нашей, подумал Маркел и зажмурился, представил, как он стоит у себя во дворе, колет дрова и складывает их в поленницу. Долго он так колот и складывал, сложил девяносто шесть полешек, весь измаялся и только тогда заснул.

Когда он во второй раз проснулся, было уже совсем светло, со всех сторон шумели и так же шумели со двора. Маркел опять сел на лавке, потянулся, надел шапку. Подумал: если не звонят в колокола, значит, царь еще жив. А зазвонят, значит, помер. Царя Маркелу жалко не было, но и зла на него он тоже не держал. А что, думал Маркел, царь от него всегда был далеко, и какое ему дело было до Маркела, он про него знать не знал и поэтому никаких бед ему не чинил. Другое дело – бояре, этих, как рассказывали знающие люди, царь очень крепко не жаловал и часто их казнил всякими самыми страшными казнями. И это правильно! Потому что чего их жалеть?! Разве кто-нибудь когда-нибудь где-нибудь видел доброго и справедливого боярина? Нет! Вот как Маркел: сколько он их, этих бояр, у них в Рославле переживал, и каждый, как только приедет, так сразу начинает хапать, лихоимствовать, душить, изводить честных людей. Вот пусть царь их и казнит! Дай ему Бог долгих лет! А что?! Маркел царя однажды, не так давно, видел, царь был высокий, крепкий, румяный, он сидел вверху на золоченой лавке, застеленной дорожным ковром, и за спиной у царя были ковры, и с боков, и так же со всех сторон вокруг него стояли рынды с серебряными бердышами, а царь, глядя вниз, на Маркела,

кричал: «Дай ему, дай! Жги! Жги!» Маркел стоял внизу, в правой руке он держал нож, в левой шапку, а перед ним стоял медведь!..

Эх-х, сердито подумал Маркел, проведя рукой перед глазами, чтобы медведь исчез, эх, еще раз подумал он, царь же тогда ему, Маркелу, зла не желал, царь просто спросил у боярина, есть ли у него подходящий холоп, и боярин ответил, что есть, и Маркела сразу вытолкнули вперед всех и сказали держаться, потому что царь его тогда щедро пожалует. И Маркел, дурень, поверил им, махнул шапкой влево, медведь кинулся за шапкой, а Маркел его справа ножом! И еще! И еще! Медведь повалился и сдох. А царь поднялся, он был красный-красный, сердито плюнул и ушел. После Маркелу говорили, что не нужно было торопиться, а нужно было поиграть с медведем, побегать от него, царя потешить и только уже после убивать. И вот тогда была бы ему полная шапка серебра! А так ничего ему не было. Боярин сказал ему: дурень! И они поехали обратно. Но на полдороге их догнали, и боярин поехал обратно. Больше его никто не видел! А Маркел вернулся и служил дальше губным целовальником, вершил малый суд и расправу и, не дай Бог, на царя зла не таил.

И вот теперь этот царь помирает. Маркел еще раз прислушался. Нет, в колокола пока не били. Уже, наверное, часа три прошло, как рассвело, но ни сам дядя Трофим, ни те, кто за ним приходили, пока что не возвращались. И, подумал Маркел, не вернуться до вечера, потому что это же какое дело не шутейное – на самого царя посметь сказать, что ему сегодня помереть! Вот же какой колдун отчаянный, одно слово – лопарь, лопари ничего не боятся, они же северный народ, к смерти привычные. Подумав так, Маркел встал с лавки и прошел к окну, открыл его и посмотрел во двор.

Двор был как двор, по нему ходили дворовые по своим разным делам. Как у всех! И тут же подумалось: нет, это не простой двор, очень даже не простой, а двор князя боярина Семена Михайловича Лобанова-Ростовского, и кто князя Семена не боится?! Все боятся, еще как! А что?! Ведь будь ты хоть кто, хоть, страшно сказать, Шуйский, хоть Мстиславский, хоть Захарьин, а князь Семен возьмет четверть листа, черкнет на нем, что надо, и пошлет с этим листом своих людей! И эти люди, придя, скажут: боярин князь Семен велел по государеву хотению явиться к нему в приказ! Прямо дверь, после направо, на второй этаж! И придут! И их там в железа! Вот так! Вот что такое Разбойный приказ! И Маркел в нем пусть почти что последняя сошка, а все же имеет силу! И, дальше ничего уже не думая, Маркел открыл дверь и вышел на помост.

Теперь перед ним был весь двор, двери везде были открыты, народ сновал туда-сюда, прямо напротив была колымажная, а чуть левее конюшня. Надо бы, сразу подумал Маркел, сходить туда, проверить Милку, но вдруг эти как раз вернуться, а его нет на месте? Тут и самому можно попасть на виску!

И Маркел никуда не пошел, а только подумал, шурясь на ярком солнце, что какая сегодня жарница, этак в три дня все растает, как ему тогда ехать обратно, он же на санях, где брать колеса, а, главное, деньги на них...

И, вдруг услышав сбоку шорох, Маркел обернулся и увидел, что это из соседней двери, из второй, вышла маленькая девочка, лет не больше семи, и теперь тоже стоит на помосте и смотрит на двор. А Маркела она будто бы не замечает.

– Эй, стрекоза, – сказал Маркел. – Ты кто такая?

Девочка посмотрела на него очень презрительно и также презрительно сказала:

– Всю ночь вчера орал! Не давали спать!

– Кто, мы? – спросил Маркел. – Мы с дядей Трофимом орал?

– Дядя Трофим больше молчал, – сказала девочка. – А это все больше ты! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!

Маркелу стало обидно, он только было открыл рот...

Но тут опять распахнулась та дверь и на помост вышла... Ух, только подумал Маркел, какая же это красавица! Просто царица! А что! Высокая, чернобровая, статная, в собольей душегрее женщина плавно подошла к перилам, быстро посмотрела на Маркела – как будто огнем обожгла! – и тут же опять обернулась на двор и вылила туда, на снег, ведро помоев.

– А! – громко сказал Маркел.

Та женщина вновь повернулась к нему и строго спросила:

– Чего пялишься?!

– Я... Это... – промямлил Маркел.

Женщина нахмурилась, развернулась и ушла к себе. Маркел немного погодя спросил у девочки:

– Кто это такая?

– Моя матушка.

– А где твой батюшка?

– На войне убитый.

– А... – начал было говорить Маркел.

Но тут опять вышла та женщина, резко взяла девочку за руку и увела ее. Маркел, оставшись один на помосте, стоял, упершись руками в перила, смотрел по сторонам, но больше всего на соседнюю дверь и то и дело негромко вздыхал. Так прошло, может, с полчаса, но ни та женщина, ни ее дочь больше от себя не выходили.

4

Зато вдруг пришел дядя Трофим. Маркел еще издали заметил, что дядя Трофим очень сердит, и не стал дожидаться его, а сразу вернулся в дом и сел за стол. Стол был не прибран. Маркел подобрал рукав и начал сдвигать все это к краю. Раскрылась дверь, вошел дядя Трофим и сразу, с порога, сказал:

– Так и сидим! Ага! Больше заняться нечем!

– Так мне же было велено, чтобы никуда не выходил, – сказал Маркел.

– А на крыльце чего торчал?

Маркел ничего не ответил. Дядя Трофим снял шапку и бросил ее на стол, на свободное место. После и сам сел на лавку.

– Как дела? – спросил Маркел. – Как там твой лопарь?

– Мой! – в сердцах сказал дядя Трофим. – Да чтобы его черти разорвали! Мы его подняли, и я спрашиваю: ну, что, баранья твоя голова, Кириллов день настал, а государь живой. И знаешь, что он на это ответил? Что день еще не кончился. И что мне князю Семену говорить? Повторять эти слова? Так он мне живо голову открутит!

Маркел выжидающе молчал. Дядя Трофим немного погодя продолжил:

– Вот так! Мне голову сразу долой. А лопаря не трожь! Повисел на виске и спустили. И водицы ему поднесли. И личико чистой тряпицей утерли, чтобы не сомлел. Скотина!

– Чего вы с ним так возитесь? – спросил Маркел.

– Га! Возитесь! – сердито повторил дядя Трофим. – Я бы ему повозился! Да я бы только кивнул, Ефрем взял бы кнут и его в три удара пополам рассек бы. Но не велено.

– Почему?

Дядя Трофим молчал. Маркел спросил:

– Может, по маленькой?

– Иди ты со своей маленькой! – грозно вскричал дядя Трофим и опять замолчал. После взял со стола кусок хлеба, начал его грызть... И отложил, и начал очень сердито, но и негромко рассказывать: – Все это от Федьки Ададунова пошло. Когда государю стало совсем худо, это как раз на Водосвятие, Федька Ададунов говорит (у них там, наверну): я вот тоже поми-

рал, когда был в Олонце, и одна добрая баба сказала: надо ему (это мне) пригласить лопаря, есть, мол, тут у них один очень сильный ведун, из лопарей, Уйме Пойме зовется, и он многих лечит. А у меня, говорит Федька, тогда кровь горлом шла. И вот пришел этот лопарь и сперва начал плясать, бить в бубен, а после подсел ко мне, вырвал у себя из бороденки один волосок, дал его мне и говорит (это Федька говорит): пощекочи им у себя в ноздре. Федька и пощекотал. И сразу вдруг стал крепкий, здоровый и одарил того лопаря всяко, и лопарь уехал. А Федька и сейчас румяный, годовалого бычка за рога берет и себе на спину набрасывает. Вот! И Федьке сразу сказали: нам этот лопарь сгодится. Федька тогда к князю Семену. А князь Семен ко мне. И я поехал. За Ладогу, за Олонец, в Соломенский погост и собирался ехать еще дальше, когда мне вдруг говорят: а этот твой лопарь вчера вдруг сам сюда приехал, вон его олени, говорит, ему здесь нужно быть. Почуял, значит! Ладно. И я тогда сразу к нему. Так, мол, и так, говорю, такое дело, лопарь, государь тебя озолотит. А он посмотрел на меня, вот так носом понюхал и отвечает: нет, не поеду, смертью от тебя воняет, твой государь скоро помрет, и нет таких трав, нет таких заговоров, чтобы его спасти. Э, говорю, так ты бунтовать, лопарь! И череном ему вот так, прямо в лоб! И он кувырк на снег. А я нашим людям велел, а были со мной тогда люди, и мы повезли его сюда. Так он и здесь за свое: ваш государь помрет, нет таких трав, нет... Тьфу! И чего мы с ним только не делали, а он стоит на своем и не лечит. Мы говорим ему: дурень, царь тебе все отдаст! Три мешка золота! Пятьсот оленей! Две бочки зеленого вина! И Ададунов еще говорит...

Тут дядя Трофим не удержался, хмыкнул и сказал:

– А Ададунову всего страшнее. Государь же сказал, что лопаря он на костре сожжет, а Ададунова посадит на кол. И смажет кол свиным салом. Трясется Ададунов, высох весь, поседел... Но от судьбы не уйти!

– И что теперь будет дальше? – спросил Маркел.

– А ничего, – недобрым голосом ответил дядя Трофим. – Если государь сегодня не помрет, то завтра лопаря сожгут. Там уже и дрова сложены, и столб вкопали, я видел. А про Ададунова не знаю. Его, может, и помилуют. Государь же у нас вон какой – бывает милостив. Вот вдруг засмеется и скажет: ладно, Федька (это Ададунову), Бог с тобой, живи. А вот тебе, – и пальцем на меня укажет, – а вот тебе теперь ответ держать, почему такого лопаря привез, может, он не тот лопарь, которого мы ждали, а может, ты того на этого в дороге подменил! И спросит у Федьки: тот это? И Федька со страху скажет: не тот! И государь прикажет меня на кол. И меня посадят. А он к тебе повернется и спросит: а это еще кто такой? А это его племянник, ему ответят, они всегда вместе выпивали. Ну, тогда, скажет царь, и на кол их тоже рядом. И так и будет, прости Господи...

Сказав так, дядя Трофим повернулся к иконам и широко перекрестился. Маркел сделал то же самое и, продолжая смотреть на иконы, сказал:

– Старинное письмо. И очень знатное.

– Это ты про Николу? – спросил дядя Трофим.

Маркел кивнул.

– Эта икона непростая, – сказал дядя Трофим. – Она у меня тринадцать лет уже. Я ее из Новгорода привез. Вот тоже было дело страшное! Столько тогда душ было загублено, что даже сам государь оробел. И развернулся и уехал. О! – вдруг сказал дядя Трофим. – Это Степан идет! Значит, государь того...

И, уже глядя на дверь, перекрестился. Дверь сразу открылась, и к ним начали входить стрельцы в белых шубных кафтанах. Первый стрелец был с посохом, а остальные с бердышами. Первый остановился посреди светлицы, ударил посохом в пол и недобро усмехнулся.

– Ты чего это, Степан? – опасливо спросил дядя Трофим.

– А ты чего?! – грозно сказал этот Степан. – Зачем лопаря зарезал?!

– Как это я зарезал? – еще опасливей спросил дядя Трофим. – Когда?

– А только что! Ножом под сердце! А ну покажи нож!

Степан резко подступил к столу, а за ним так же подступили остальные. Их было пятеро, как посчитал Маркел. А Степан уже сказал:

– Чего ждешь? Показывай.

Но дядя Трофим не стал браться за нож, а только немного поднял руки. Степан кивнул, и один из стрельцов достал тот дядин нож, который висел на виду. Степан взял этот нож и осмотрел лезвие. Оно было чистое.

– Еще, – сказал Степан.

Стрелец поискал по поясу, нашел и вынул еще один нож. Он тоже оказался чистым.

– Еще! – опять сказал Степан.

Дядя Трофим отставил ногу, выставил ее из-под стола. Нож, который вытащили у него из-за голенища, тоже сверкал как новенький. Тогда Степан повернулся к Маркелу. Маркел сказал:

– А я здесь сидел и никуда не выходил. С самой ночи.

Степан молчал. Потом взял дядины ножи и начал их по одному втыкать в столешницу. Дядя Трофим их доставал и убирал на место. Потом спросил:

– Что у вас там приключилось?

– Что, что! – мрачно сказал Степан. – Лопарь лежит зарезанный. Кровищи из него, как из быка. А сам был такой сухонький. А эти говорят, что ничего не видели. Они, говорят, обедали. А ты ушел! Может, сказали, это ты его пырнул, пока они отвернулись? Что-то быстро, говорят, ты уходил! А перед тем к нему заглядывал. Вот и пырнул тогда, так получается. И сразу в дверь.

– Нет! – громко сказал дядя Трофим. – Да ты чего это, Степан! Да мы с тобой столько лет!

– Э, – недобро усмехаясь, ответил Степан. – А то не знаешь, как это бывает. Бес быстро путает. Не успеешь оглянуться, а он под локоток толкнет, вот нож и войдет кому в брюхо, хоть ты того и не хотел.

– Степан! – сказал дядя Трофим. – Ты же мои ножи видел. Они же все чистые!

– Утереть нож – дело недолгое, – сказал Степан, опять недобро усмехаясь. Потом, немного смягчившись, прибавил: – Да ты не колотись так! Если они тебя оговорили, мы это быстро вызнаем. Прямо сейчас. Вставай!

– Вот язвы! – сказал дядя Трофим, поднимаясь с лавки. – Зачем им было его резать?! Его завтра бы и так сожгли.

– И вот тогда бы я к тебе не приходил, – насмешливо сказал Степан. – А так было слово, надо отвечать. Пошли! – И посмотрел на Маркела, а тот уже встал, и прибавил: – Да, и ты тоже пойдешь.

Дядя Трофим сказал:

– А он при чем?!

– Молчи!

И они все пошли к дверям.

Когда они шли по помосту мимо соседской двери, Маркел посмотрел на нее, и ему показалось, что дверь закрыта неплотно и за ней кто-то стоит...

5

Но это тут же забылось. Не до того тогда было Маркелу! Лопаря зарезали, лопарь был непростой, и теперь скажут: это вы, думал Маркел, и их с дядей Трофимом сразу посадят на колья, рядышком. И тут же горестно подумалось: эх, дядя Трофим, накаркал ты про колья, зачем ты про них говорил? Лучше бы ты говорил... Но ничего другого в голову не лезло, а опять про лопаря подумалось, и подумалось не просто, а вот как: прав дядя Трофим, никому этот лопарь не нужен, и что тогда получается? Что лопаря убили для отвода глаз, чтобы они только о нем сейчас и думали и бегали к нему, искали, кто его убил, а за это время что-то

сотворится! А что? Да государя прикончат, вот что! Ведь лопарь же предупреждал, что государь помрет сегодня! И вот так оно теперь и будет, если они тех не остановят. И так Маркелу эта мысль запала, что он даже не заметил, как они вышли со двора и почти сразу же, через дорогу, оказались рядом с Государевым дворцом. Ведь же, как раньше уже говорилось, двор князя Семена стоял в самом начале Троицкой улицы, то есть направо от него были Ризположенские ворота, а налево крайний угол Государева дворца, там где Сытные палаты. И там же был проезд на задний, так называемый Хлебный Дворцовый двор. Проезд звался Куретными воротами, они были двойные. Первые были раскрыты настежь, они в них вошли, подошли ко вторым, толкнули их...

А те оказались закрытыми! Степан чертыхнулся и начал стучать. Никто не отзывался. Тогда он закричал, чтобы скорее открывали, что он очень спешит. Но и тогда никто не отзывался.

– Вот ироды! – гневно сказал Степан. – Поубиваю всех! Только что здесь шел, было открыто!

– Давай через верх, – сказал дядя Трофим.

– Сам знаю! – оборвал его Степан.

Они все немного отступили, нашли в полумраке дверь в стене и открыли ее. За дверью была лестница наверх, в палаты. Они стали по ней подниматься – Степан, за ним дядя Трофим с Маркелом, за ними стрельцы. Наверху было душно и тесно, воняло квашней. Они, теснясь, быстро прошли через сени и вышли на другую сторону палат, на галерею вдоль Заднего Государева двора. Но они по галерее не пошли, а еще по одной лестнице спустились вниз, во двор и быстро пошли по нему. Было видно, что Степан очень спешит. Еще бы, подумал Маркел, лопаря зарезали, а если царь вдруг сейчас спросит, как там лопарь, что он теперь говорит, день ведь уже кончается, а царь живой! Вот только живой ли? Подумав так, Маркел похолодел, и опять ему подумалось, что не туда они идут, не нужен им лопарь, а нужно идти к царю, зарежут его злые люди, лопарь знал, что говорил! И надо сейчас сказать дяде Трофиму...

Но дядя Трофим шел впереди, плечом к плечу со Степаном и что-то ему быстро-быстро говорил, а Степан морщился, но ничего не отвечал. Во дворе было много народу и много подвод, у всех были свои дела, день был как день, грязи кругом было много, еще бы, такая жарница, снег тает, подумал Маркел и распахнул полушубок. Степан с дядей Трофимом шли очень быстро, Маркел за ними едва поспевал. Да вот только, в досаде думал он, куда это они идут, не нужен им лопарь, лопаря уже зарезали, а им нужно к царю, пока тот еще жив!

А они тем временем уже прошли через весь двор и стали опять подниматься по лестнице. Лестница вела, как видел Маркел, к терему, то есть к царицыным палатам. Никого на той лестнице не было. Но как только они взошли по ней наверх, навстречу им выскочили две какие-то бабы и начали кричать, что кто их сюда звал, что вот они сейчас на них пожалуются – и царь велит поотрубать им головы. Но они на этих баб не обратили никакого внимания, а быстро шли себе по галерее мимо терема и, обойдя его, хотели опять спуститься уже в другой двор, так называемый Передний, но там при лестнице стояли стрельцы, тоже в белых кафтанах. Степан остановился перед ними и стал что-то спрашивать у их старшего, старший стал показывать налево. Степан кивнул. Маркел тоже посмотрел налево. Там вдоль теремной стены шел длинный помост, саженей на тридцать, не меньше, а после поворачивал направо и продолжался вдоль высоких брусяных хором. Окна в тех хоромах были большие, стрельчатые, на них поблескивали солнечные блики.

– Что это там? – спросил Маркел.

– Царева Столовая палата, – ответил дядя Трофим.

– Эй, – тут же сказал им Степан. – Чего вы? Нам сюда! – и показал вниз, на Передний двор.

Но тут со стороны палаты вдруг раздался крик! Очень громкий! Очень страшный! Как будто кого убивают!

– Эх! – гневно воскликнул Степан. – Дождались!

И побежал на крик. За ним побежали дядя Трофим, и остальные стрельцы, и Маркел.

Но далеко они не убежали. В дверях Столовой палаты стояли рынды – в золотых кафтанах и с серебряными бердышами – и, чуть что, совали ими в наседавшую на них толпу. А толпа там собралась уже немалая и очень плотная. Дядя Трофим полез вперед, в самую гущу, следом за ним полез Степан. Маркел было пристроился за ними, но дядю Трофима и Степана пропустили – Степан им что-то крикнул, дядя Трофим что-то показал, – и они протиснулись в Столовую палату. А Маркела пнули бердышом, слава Богу, что плашмя, и он подался обратно, в толпу, к стоявшим в ней Степановым стрельцам. Теснотища вокруг была страшная, но толпа молчала. А тот дикий крик продолжался. Кричал кто-то в Столовой палате. Крик был бабий, визгливый, надрывный. Потом крик начал понемногу затихать. Толпа по-прежнему молчала, никто ничего не говорил. Время от времени в толпе там-сям крестились. Маркел посмотрел вверх. В небе было много рваных облаков, они плыли быстро. Ветер сильный, подумал Маркел. Потом подумал: царь преставился, что дальше будет? Потом тут же подумал: нет, царя убили, зарезали те злые люди, которые вначале лопаря зарезали. А то если он знал, сколько царю осталось жить, так он, конечно, узнал бы и про то, кто собирается его убить, и мог про это сказать. Вот его для того и зарезали, чтобы он им не мешал. Подумав так, Маркел невольно улыбнулся, потому что ему стало радостно из-за того, что он такой догадливый...

Но тут же спохватился и опять стал мрачным, как и все, кто стоял рядом с ним. Нет, тут же подумал Маркел, они не мрачные, а они просто не знают, как им теперь быть, ведь сколько лет царь Иван царствовал? Сколько Маркел живет на свете, и еще примерно столько же, представить страшно!

Вдруг впереди зашевелились, потом толпа начала раздаваться. А вот и совсем раздалась, и Маркел увидел, как двое рынд (без бердышей) выводят под руки какую-то старуху. Старуха была очень древняя, она чуть шла, глаза у нее были закрыты. Она слепая, подумал Маркел. И еще: это она кричала. А теперь она только порывисто вздыхала, а щеки у нее были все мокрые от слез.

– Царская нянька, – услышал Маркел чей-то шепот. – Ей девяносто лет. А вот пережила его!

Маркел мелко перекрестился. Толпа продолжала раздаваться дальше. Старуху подвели к лестнице и стали возводить по ней. Лестница вела к царицыному терему, сразу на верхний этаж. Толпа опять стихла, опять стало тесно и душновато. Маркел попытался думать о царе – не думалось. И о лопаре тоже не думалось. И вообще ни о чем. Маркел просто стоял и ждал, что будет дальше. Было очень тихо, было только слышно, как кто-то сопел Маркелу сзади прямо в ухо, но обернуться не было возможности.

Вдруг впереди толпа опять заволновалась, а потом стала отходить назад. А потом из Столовой палаты начали выходить люди. Это их оттуда выпирают, подумал Маркел, и это правильно, нечего им там делать, у царицы горе, а они пришли глазеть!

Толпа продолжала отступать. Маркел подумал, что ему уже и так достаточно бока намяли, и отступил еще, а после еще и еще и уже почти что вышел из толпы, как вдруг его схватили за плечо. Маркел обернулся и увидел одного из Степановых стрельцов – он продолжал крепко держать Маркела. А, это чтобы я не убежал, понял Маркел и замер.

Но долго ему так стоять не пришлось, потому что почти сразу же за этим из Столовой палаты вышел вначале Степан, а за ним дядя Трофим. Они, один другому помогая, начали протискиваться через толпу и вскоре добрались до Маркела и Степановых стрельцов, которые, вся пятеро, держались кучно.

– Ну, что там? – спросил Маркел дядю Трофима.

Тот сделал строгое лицо и деревянным голосом ответил:

– Осиротели мы. Всем царством! – и перекрестился.

Но не истово! Степан это заметил и оскалился. Сказал:

– Хватит болтать! Пошли!

– Куда? – спросил дядя Трофим.

– Куда, куда! – передразнил Степан. – К лопарю, куда еще. – И уже тише добавил: – Царя и без нас отпоют, а наше дело вместо нас никто не сделает.

И он развернулся и пошел обратно, к той лестнице, которая вела вниз, на Передний двор. Дядя Трофим, Маркел и стрельцы пошли следом за ним. На полпути Маркел не удержался и спросил:

– А почему так тихо? Почему колокола молчат?

– Значит, не велено, – строго сказал дядя Трофим.

– Кем не велено?

– Кем надо!

Маркел больше ни о чем не спрашивал, и дальше они шли молча.

6

И весь дворец тогда молчал! Молчали стрельцы на лестнице. Молчали сторожа внизу возле нее. Молчала и вся многочисленная царская челядь, которой тогда было полным-полно на Переднем дворе. Да и не только все они молчали, но еще никто из них не двинулся, будто их кто околдовал. Это лопарь их так, почему-то подумал Маркел, глядя на них всех, стоявших в самых разных позах, и только лица у них были повернуты в одну и ту же сторону – на окна Столовой палаты. А окна были закрыты, и ни одна солнечная искорка на них теперь уже не играла, потому что солнце зашло в тучу. А где ему еще быть, если царь преставился, с опаской подумал Маркел, теперь оно, может, три дня не выйдет.

Но солнце тут же опять вышло и засверкало на стеклах. Вот только Маркелу было уже некогда смотреть по сторонам. Дядя Трофим строго шикнул:

– А ну не зевай!

И Маркел следом за ним прошел под ту лестницу, с которой они только что спустились, а теперь дальше, мимо сторожей вошли в какую-то низкую, узкую дверь, а за ней через такие же тесные сени вышли на еще одну лестницу, уже под хоромами, и начали по ней спускаться.

– Эх! – сказал спускавшийся перед Маркелом дядя Трофим. – Государь всегда ругался, что здесь ни бельмеса не видно. А вот больше ругаться не будет.

– Но-но! – где-то совсем снизу проговорил Степан. – Попридержи язык, Трофимушка, а то царь, может быть, уже и помер, а слуги его...

– Понял, понял! – поспешно перебил его дядя Трофим.

И дальше они опять спускались молча.

Наконец они спустились совсем вниз и оказались в просторных сенях, свету в которых было, может, и немного, но для некоторых дел достаточно. Стены в сенях были каменные, а сами сени стояли пустые, почти что ничего там не было, только сбоку на лавке сидел дьяк, а возле него стоял стрелец. Степан спросил у стрельца, все ли у них тут в порядке, и стрелец ответил, что да. Тогда они – теперь уже только Степан, дядя Трофим и Маркел – прошли дальше, в дверь в стене, а стрельцы остались.

За дверью из сеней открылась здоровенная, просторная палата, стены которой тоже были каменные. Это был, как после узнал Маркел, так называемый Ближний застенок. Там прямо, какходишь, стоит дыба, слева заплечное место, а справа распросное. Дыба тогда была пустая. В заплечном месте среди своих инструментов сидел палач, и он даже бровью не повел и не подумал встать. А справа, на распросном месте, за столом сидели трое. При виде вошедших

они сразу встали и снимали шапки. Степан тоже снял свою, повернулся к образам, перекрестился и сказал:

– Без государя мы!

Эти, за столом, стали креститься. Степан надел шапку, помолчал, потом спросил:

– А этот что?

Старший из стоявших возле лавки (у него была уже седая борода) показал рукой еще правее. Там, за решетчатой дверцей, виднелся небольшой закуток. На дверце висел замок, но он висел просто так, а сама дверца была приоткрыта. Степан подошел к ней. За Степаном подошли дядя Трофим с Маркелом.

– О! – только и сказал Степан и указал на закуток. После спросил: – Не трогали?

– Нет, нет!.. – зачастили те, от стола.

– Огня! – велел Степан.

Один из тех поднес огня, и теперь Маркел увидел лежащего на полу закутка лопаря. Это был сухой морщинистый старик, очень диковинно одетый – как иногда одеваются скомо-рохи на Масленицу, то есть в вывернутые шкуры, обшитые бисером, ленточками, жемчугами и прочими подобными украшениями. Старик был без шапки, голова его была брита наголо, а усы и борода у него были очень короткие, кустистые. Да, и еще: старик лежал на соломе, солома была в крови, и даже дальше, на полу, была видна лужица крови.

– Во, – сказал Степан, указывая на нее. – А раньше было совсем не подойти, все кругом было в кровищи.

– Куда его резали? – спросил дядя Трофим.

– Вот сюда, в брюхо, – показал Степан.

– На себе нельзя показывать, – строго сказал дядя Трофим. И сразу спросил: – А где нож?

– Как где? – спросил Степан. – Это не у меня надо спрашивать, а у того, кто резал.

– Га! – только и сказал дядя Трофим. После еще насмешливей продолжил: – Глаза надо разуть, вот что! Тогда и спрашивать не надо!

И он ступил в закуток, сунул руку лопарю под бок...

И вытащил оттуда нож! Нож был весь в крови, Степан невольно отшатнулся.

– Держи! – сказал дядя Трофим. – Это теперь твое.

Степан взял нож, начал его рассматривать. Нож был как нож, обыкновенный сапожный.

– Это тот нож, которым его резали, – сказал дядя Трофим. – Зачем ты тогда мои ножи спрашивал?

– Этого ножа тут раньше не было, – сказал Степан. – Я хорошо смотрел. – После еще помолчал и прибавил: – Это они его после подбросили!

И посмотрел на тех троих. Они молчали. Вдруг палач встал с места и сказал:

– Меня тут не было. Я только что пришел. Я перекусывать ходил.

– Знаю, – сказал Степан. И опять стал смотреть на тех троих.

Самый старший из них, седоватый, не удержался и сказал:

– А почему это мы? Может, он сам себя зарезал.

– А где он взял бы нож?! – сказал Степан.

– Так он колдун! Что ему нож! – продолжал седоватый. – Да он что хочешь наколдует. Наколдовал, что государь помрет, и помер! Так это же государь! А тут какой-то нож! Да ему это тьфу! А государь...

– Ты на государя мне не наговаривай! – строго сказал Степан. – Государя он извел! Ага! Чего ты мелешь?! Государя Бог прибрал, а не этот ведун!

– Ну, не знаю, ведун, не ведун, – продолжал седоватый, – а государь его слушал. Дядя Трофим не даст сбрехать. Ведь слушал же, дядя Трофим?

Дядя Трофим молчал. Седоватый усмехнулся и закончил:

– И что получилось? Извел государя. Поэтому я думаю вот как: если кто его после зарезал, то правильно сделал. Потому что свершил Божий суд. Вот пришел и свершил! И не просто кто пришел, а... Да! – прибавил он уже не так задиристо, а даже как бы с сожалением. И при этом быстро глянул на Степана.

И тот как будто очнулся! И твердо сказал:

– Да! И в самом деле! Божий суд! Не клевети на государя! Не возжелай ему зла! А возжелаешь – прими кару.

И посмотрел на дядю Трофима. Дядя Трофим был очень мрачный. Степан заулыбался и сказал:

– А ты чего здесь стоишь? И ты, – это он сказал уже Маркелу. – Теперь же все ясно! Ни при чем ты здесь, Трофим, не ты его резал, так что ступайте с Богом, а я тут уже сам во всем остальном разберусь. Ступайте, соколы, ступайте!

Но дядя Трофим стоял на месте. И еще сказал:

– Куда это я пойду, если это наш лопарь?! Я его сюда привез, и я теперь должен знать, кто его зарезал.

– Га! Ты привез! – насмешливо сказал Степан. – Вот когда ты за ним ездил, тогда он был твой. А когда ты его сюда привез и передал под запись, тогда он сразу стал наш, дворцовый. Ясно? А теперь вали кулем отсюда! То ваш приказ – Разбойный, а это наш – Дворцовый! И государь, – продолжил он уже не так свирепо, – и государь нынче преставился, так вы бы хоть пошли туда да постояли бы, да поскорбели по нему по-христиански, а то вам только сыск на уме!

Дядя Трофим опять молчал, но и не трогался с места. Так же и Маркел стоял возле него, хоть ему было очень страшно. Степан добродушно улыбнулся и сказал:

– Надо будет, я вас сразу позову. А пока не мешайте мне здесь.

Дядя Трофим поднес кулак ко рту, кратко откашлялся, после махнул той же рукой, развернулся и пошел к двери. Маркел пошел за ним. Степан сказал им вслед:

– Вот так-то оно лучше. А то какого-то поганца пожалели. Ведуна проклятого!

7

Дядя Трофим с Маркелом (дядя Трофим, конечно, впереди) поднялись вверх по той же самой лестнице, но выходить во двор не стали, а сразу свернули в какую-то дверь и там дальше через сени, через переходы, опять через сени и так далее пошли по нижнему, нежилому этажу. Там было грязно и тесно да и воняло всяким. Известное дело, клетки, подумал, потирая нос, Маркел. Да и свету там было немного, не рассмотреть, куда ступаешь, и поэтому то и дело что-нибудь да попадалось под ноги. Степан идти по низу побрезговал, думал Маркел, а вот дядя Трофим – пожалуйста, потому что дядя Трофим – свой, с ним легко, хоть они с ним по-настоящему еще не познакомились. А все равно душевный человек, продолжал думать Маркел и при этом улыбался. Но в то же время вдруг подумал, что если его сейчас вдруг оставят одного, то он ни за что обратно не выйдет, заблудится, а спросить будет не у кого, потому что никто навстречу им не попадается, пусто кругом, все двери или уже закрыты, или при их приближении поспешно закрываются, а если кто и стоит в сенях, то сразу шугается куда-то в тень и исчезает напрочь. И то, думал Маркел с пониманием, ведь же какой сегодня день: царь Иван преставился! И тут же захотел спросить, как это случилось, что дядя Трофим там, в царских покоях, видел, но не решился, промолчал.

И почти сразу же после этого дядя Трофим открыл еще одну дверь, и они вышли во двор, на свет. Это опять был Задний, то есть тот самый двор, на который они попали сразу после того, когда не смогли войти в закрытые Куретные ворота. Эти ворота теперь были сбоку, и возле

них стояли стрельцы в белых шубных кафтанах. А раньше они не отзывались! Дядя Трофим строго сказал им:

– Где вы только что шатались?! Степан крепко гневался, не мог до вас достучаться. Поотрывает он вам теперь головы.

– Так, это... – начали было оправдываться стрельцы.

Но дядя Трофим не стал их слушать, а приказал открывать. И они открыли. Но не все ворота, а только калитку при них и объяснили, что так им велел боярин.

– Какой еще боярин? – строго спросил дядя Трофим, входя в калитку.

Но ему ничего не ответили. Дядя Трофим с Маркелом вышли из дворца. Дядя Трофим остановился, посмотрел на двор князя Семена (который, как уже говорилось, стоял прямо напротив дворца) и сказал:

– Не в доброе время ты к нам приехал, Маркелка. Надо бы тебя прямо сейчас домой отправить. Домой хочешь?

Маркел промолчал. А что, он подумал, ждет его дома? И кто? Но тут же опять подумал, что и тут, конечно, тоже настали очень непростые времена. И Маркел вздохнул. Тогда дядя Трофим поправил шапку и сказал:

– Ну, ладно. Чего это я вдруг? На голодное брюхо ни о чем добром не думается. Пойдем-ка, сперва соберем чего-нибудь на стол.

И они пошли – через дорогу, на князя Семена двор и дальше налево, за поварню. Проходя мимо поварни, дядя Трофим остановился и велел позвать Герасима. Когда вышел Герасим, дядя Трофим сказал, чтобы тот принес ему чего-нибудь перекусить, и чтоб погорячей. Герасим поклонился и ушел к себе обратно. Дядя Трофим прошел еще немного и, увидев Фильку (того самого, вчерашнего), подозвал его к себе и вначале спросил про Маркелову кобылку, как там она, а после велел, чтобы Филька сбегал к Демьянихе и принес от нее пирогов.

– И чтоб не горелых! – прибавил он строго.

Филька ушел скорым шагом. А дядя Трофим с Маркелом поднялись по лестнице и вошли в дяди Трофимово жилище. Там дядя Трофим велел сесть, и они сели. Дядя Трофим посмотрел на бутылку. Маркел сразу взялся за шкалики.

– Погоди, – сказал дядя Трофим. – Сперва горячее. Сейчас от Герасима принесут. А вот и несут уже!

И вправду на лестнице послышались шаги. После открылась дверь и вошли два холопа. Один поставил на стол миски – белой глины! – а второй котел с половником и начал разливать по мискам. Это была щучья уха. Дух от нее шел очень заманчивый, Маркел не удержался и облизал губы.

– А пироги? – спросил дядя Трофим.

– Сейчас принесут, – ответил один из холопов.

Дверь снова открылась, вошла баба с подносом, накрытым вышивным полотенцем. Под полотенцем были пироги – тоже рыбные, конечно, потому что это было в среду, в постный день. Но пироги были толстенные и очень аппетитные. Дядя Трофим махнул рукой. Баба и холопы вышли. Дядя Трофим, не глядя, взял один из пирогов, сильно надкусил его и пожевал немного, после второй рукой взял ложку, зачерпнул ущицы и попробовал. Подумал и сказал:

– Годится.

И начал есть – не спеша. Маркел тоже – ложка в ложку. Так они ели достаточно долго, съели уже больше половины, когда дядя Трофим наконец остановился, утер ладонью губы и сказал:

– Ядреная.

И только теперь уже велел налить. Маркел налил из бутылки своего, вчерашнего. Дядя Трофим взял шкалик, поднял его, покосился на образа, левой рукой перекрестился (потому что в правой держал шкалик) и сказал:

– Земля ему пухом. Пока что.

И они выпили. Дядя Трофим опять утерся, посмотрел на Маркела – и вдруг усмехнулся и сказал:

– Что, Маркелка, глазки выпучил? Оттого, что они все передо мной вот так?! – И он показал рукой, как вьется дым.

Маркел молчал.

– А что, – продолжал дядя Трофим, – ты думал, что если я с тобой вот так запросто сижу и хлебное вино хлещу, то я со всеми такой? Или что я им и тебе ровня?! А? Отвечай!

И он аж покраснел лицом! А Маркел по-прежнему молчал и только вот так – непонятно, как – сделал бровями. Дядя Трофим рассмеялся. А отсмеявшись, продолжал – и уже опять сердито:

– А я какая вам ровня? Вы кто?! А я стряпчий, Маркелка, слышишь?! Стряпчий! Стряпчий я! Разбойного приказа! Не Сытного, не Дровяного, не Царицына и даже не Аптекарского, а... – и замолчал.

– Разбойного! – сказал Маркел.

– Разбойного, – кивнул дядя Трофим. И еще раз повторил: – Стряпчий. Разбойного! А выше стряпчего кто? Стольник! А выше стольника только окольниковый! А так как у нас в приказе стольников нет, то я после князя Семена второй человек! А князь Семен сидит в Думе. На нижней лавке, правда, потому что еще молод, а как царь пожалует ему боярина, так он переседет на верхнюю. А мне выхлопочет стольника! А то я и сам выхлопочу. Есть за что! И еще как! Вот как сегодня я...

Но тут дядя Трофим вдруг резко замолчал и стал смотреть в стол. Маркел потянулся к бутылке.

– Нет! – строго сказал дядя Трофим. – Не тот сегодня день! А вот! – и тут он сделал вид, будто смеется, и также будто весело продолжил: – Ты, я видел, удивлялся, как все тут мне несут все, что я ни потребую. А как им еще быть? Весь этот угол княжеских хором – мой собственный, я его у князя выкупил. Это теперь мое жилье, и я его сдаю внаем, недорого. Ну, и... – Тут он улыбнулся. – Ну, и еще беру харчами. А сколько мне надо харчей? Вот они и несут и еще спасибо говорят. Мои приживальцы! Га! – и показал еще налить.

Маркел налил. Дядя Трофим начал пить. Но не допил, поморщился, отставил шкалик, еще сильнее поморщился и вдруг сказал:

– А лопаря кто-то убил! Да только что теперь кому этот лопарь, если самого царя... – Но сразу же поправился: – Если государь усоп! Кому теперь до лопаря?

И посмотрел на Маркела. Маркел молчал. Дядя Трофим усмехнулся, сказал:

– Это хорошо, что ты молчишь. Болтунов не люблю! Я бы, если б был царем, указ издал бы: всем болтунам резать язык. Хотя, – тут же прибавил он, – если все будут молчать, как мы тогда свое дело будем делать?

Маркел спросил:

– А тот строгий человек в красной рубахе, который в застенке при инструментах сидел, это кто?

– Это Ефрем-палач, – сказал дядя Трофим. – Эту рубаху ему сам покойный царь пожаловал. За службу! И он только в ней теперь ходит. Какой бы ни был мороз, а он везде в ней. Ну, иногда полушубок на плечи накинет, но не застегнутый, чтобы рубаху было видно. Царь раньше любил говорить: «Эх, Ефрем, Ефремушка, мне тебя Бог дал. Без тебя я кем бы был? Безруким!» Вот как покойный государь, бывало, говаривал. А сегодня я смотрю: а он лежит на спине, ноги разутые, в чулках, а Федоска, его поп крестовый, его вот так за волосы держит, ножиком их перепиливает и приговаривает: «Нарекается Ионою». А у государя глаз уже стеклянный, государь уже почил! Федоска его неживого постриг, и это великий грех!

– Ты это сам видел? – спросил Маркел.

– А что, – злобно сказал дядя Трофим, – ты что, хочешь сказать, что я брешу?!

– Нет, почему...

– Тогда молчи!

Маркел сжал губы. Дядя Трофим посмотрел на бутылку. Маркел еще налил. Но дядя Трофим пить не стал, а только взял пирог, отломил от него ухо и начал мять его в пальцах. После опять заговорил:

– Да, это было так: государь лежал возле постели на спине, руки раскинувши, в халате, халат златотканый, а чулки простые. И Федоска-поп над ним и что-то шепчет. А остальные все у стенки жмутся. Я сразу к царю, склонился... И, слышу, Бельский зашипел: «Куда, пес?! Убери его!» И эти сразу ко мне, за ворот хватъ – и оттаскивать. А Бельский: «Что ты нюхаешь?!» А я молчу. Я же понимаю, чего ему хочется: чтобы я что-то ответил. А я молчу, как пень! Меня под локти и к двери, и в дверь, и еще в спину, и еще, и я уже мордой в пол!.. Ну, не совсем, не в пол. Степан мне руку подал, поддержал, Степан был рядом. А эти сзади: «Вон его! Вон! Вон!» И мы ушли.

Только после этого дядя Трофим взял шкалик, посмотрел на иконы и выпил. Маркел молчал. Дядя Трофим утерся и сказал:

– Вот так великий государь преставился. Как пес! Хуже лопаря валялся. Лопарь же у чужих, а он у себя дома.

Тут дядя Трофим опять насторожился, долго слушал, потом улыбнулся и сказал:

– Мышь. Слава Тебе, Господи, что мышь. А то...

И махнул рукой. И показал еще налить. Когда они выпили, дядя Трофим начал закусывать. Маркел спросил:

– А кто такой Степан?

– Степан! – передразнил дядя Трофим. И повторил: – Степан! – И уже просто сердито продолжил: – Какой он тебе Степан? Это он мне Степан, а тебе Степан Варфоломеевич. Сотник он первой дворцовой сотни, вот кто. И не кривись, что сотник! Я же говорю: дворцовый он! Первой стрелецкой сотни сотник, белохребетников, как мы их называем за их кафтаны белые, понятно? Белохребетники – это ого! И у Степана еще посох, который только начальным головам полагается. Да только он повыше их всех будет! Его даже сам Фома Сазонов, начальник голова первого стрелецкого Стремянного полка, всегда с поклоном встречает и о здоровье спрашивает. Вот! Его и бояре опасаются, особенно кто помоложе. А ты: Степа-ан! Попродержи язык, Маркел, когда в другой раз с ним встретишься! Видал, как нас пропустили в палату, куда не всех бояр впускали? А нас с ним сразу! Степан только руку поднял! А я только овчинку показал!

– Овчинку? – сразу же спросил Маркел. – Какую?

– Обыкновенную! – сердито ответил дядя Трофим. – Будешь хорошо служить, и у тебя такая будет. Или мою тебе передадут...

Эти последние слова дядя Трофим проговорил медленно, вразтяжку и опять прислушался. А после поднял палец и сказал:

– О! – со значением.

Теперь и Маркел ясно слышал, что кто-то негромко стучит по доске. Но где стучит, непонятно. Так, где-то в глубине хором.

– О! – еще сильнее улыбаясь, повторил дядя Трофим. – О, вспомнили!

А после встал, поправил на себе шапку, сказал:

– Я скоро приду. А ты сиди здесь и никому не открывай. А если все равно войдут, то ничего не отвечай, о чем бы у тебя ни спрашивали. Ну да я быстро. Не скучай!

И он развернулся и ушел к себе, в ту дверь возле ковра. Маркел сидел за столом. Было совсем тихо. За окном уже стемнело. Эх, с грустью подумал Маркел, страсти какие: царь преставился, что теперь будет? Или будет так же, как и было? А что, подумал он уже спокойнее,

жили же они у себя в Рославле сколько уже лет и про царя не вспоминали, пока в прошлом году не приехал к ним дядя Трофим и не начал допытываться, много ли у них порядка и не ходит ли кто через Астер на ту сторону к Литве и не носит ли туда чего, а после не тащит ли чего обратно тайком от казны? И стал грозить царским гневом! Вот только когда им царь припомнился. А так жили себе, слава Тебе, Господи...

И тут Маркел перекрестился, уже глядя на иконы. Икон у дяди Трофима было много и лампадок было несколько, а правильной, четыре. Маркел встал и подошел к иконам, еще раз перекрестился и прочел (про себя) Отче наш. Это он прочел, глядя на Спаса. Потом, глядя на Богородицу с Чадом, прочел Богородицу. Потом стал смотреть на Николу...

И ничего не читалось. Просто смотрел – и все. Так-же и святой Никола смотрел на него очень внимательно, Маркелу даже казалось, что морщины у Николы на лбу то строго сойдутся, то немного разойдутся. А то опять сойдутся. Это он, наверное, сердится на то, что я из дому убежал, подумал Маркел. Так я, может, еще и вернусь, подумал Маркел дальше. А если даже не вернусь, то буду им помогать, здесь же совсем другая жизнь, в Москве, у них же здесь у всех всего навалом. Это же вон каких пирогов нанесли, каких толстющих, жирных – и это в постный день, а что они в скоромный носят, так пока и не представить! А царь? А что царь! У царя два сына, кого-нибудь да выберут, так что без царя не останемся.

И вдруг подумалось: а ведь царя убили! Дядя Трофим об этом почти прямо говорил! А сперва убили лопаря – это чтобы он им не мешал, не путался, когда они пойдут убивать царя! Да только как это пойдут, да как ты к царю подойдешь и незаметно нож достанешь, когда вокруг царя всегда бояре, слуги всякие, рынды, стрельцы? Да кто же тебе даст его убить? Вон же только что дядя Трофим рассказывал, что, когда он туда вбежал, сколько там было народу?! Туча! А царь между ними лежал мертвый. Так, может, он просто умер, просто Бог его прибрал, и все. А лопарь как про это узнал, от досады зарезался. А где он взял нож? Плюнул, дунул, нашептал, еще раз дунул – вот тебе и нож в руке. Он же колдун! И режься! И зарезался. Подумав так, Маркел посмотрел на Николу. Никола смотрел очень строго. Маркел еще раз перекрестился, поклонился большим обычаем, вернулся к столу, сел и стал дальше ждать дядю Трофима.

А дядя Трофим все не шел и не шел. За окном стало совсем темно...

8

Вдруг сбоку кто-то кашлянул. Маркел поднял голову и увидел, что это дядя Трофим. Он стоял возле ковра с пистолями и улыбался. После сказал:

– Эх, ты! Я тут давно уже стою. А ты что, задремал?

– Винюсь! – сказал Маркел.

– Чего уже виниться? После виниться будет некогда, – сказал дядя Трофим, опять садясь к столу. – Сунут ножиком под ребра, вот и все дела.

– Здесь, что ли? – недоверчиво спросил Маркел. – В Кремле?!

– В Кремле особенно, – сказал дядя Трофим. – Или грибочков поднесут. Вот ты чего сейчас жуешь?

– Пирог.

– А он с грибами! А с какими?

– Так ты же мне, дядя Трофим...

– Что я? Я этот пирог не стряпал, – строго сказал дядя Трофим.

И взял его у Маркела, сунул себе под нос, понюхал и сказал:

– Ну, может быть, – и откусил немного, пожевал и проглотил. Потом заговорил с усмешкой: – Знаешь, как царю еду подносят? Так вот, сперва, еще на кухне, повар перед тем, как на блюдо положить, обязательно кусочек отведаст. А мы рядом с ним стоим и смотрим, чтобы проглотил как следует. После один из нас это блюдо несет, а двое других идут рядом, охра-

няют. И вот поднесли к столу. Его там у нас берут и снова пробуют – сперва один едчик, после другой, – и передают боярину. Боярин, кравчий называется, опять попробует, а царь на него смотрит! И только потом уже сам царь эту еду берет и тоже сперва пробует, а только потом уже ест. И так с каждым блюдом. А их за один обед может быть до полусотни! И так же питье. Вина могут полкубка перепробовать, пока он до царя дойдет. Так что, если бы ему сегодня подали отраву, так не один бы он преставился. А так только один. Значит, отравы не было.

Маркел вначале помолчал, а после с опаской спросил:

– А разве говорили про отраву?

– А как не говорить, – сказал дядя Трофим, – если государь преставился? Когда государь преставляется, об этом всегда говорят. Говорили и сегодня, и приговорили, что отравы не было. А было...

И он опять замолчал. Но и Маркел теперь тоже молчал, не спрашивал. Дядя Трофим улыбнулся, сказал:

– Но я же тогда этого еще не знал. Я же забежал туда и вижу: государь лежит! Мертвый! А Федоска его постригает. А эти все вдоль стенки жмутся. А одеяло на царя свисает, пол-лица ему уже закрыло, и никто его не подоткнет.

– Это у него в опочивальне было? – спросил Маркел.

– Почему в опочивальне?

– Потому что одеяло. Где ему еще лежать?

– Э! – сказал дядя Трофим довольным голосом. – А ты внимательный! – Потом опять строго сказал: – Нет, не опочивальне это было, а в комнате.

– А что такое комната?

– Ну, это, скажем так, государева светлица, – сказал дядя Трофим. – Он там ответы принимает. А опочивальня – это еще дальше, за крестовой. Крестовая – это его молельня, домашняя церковка, там поп Федос сидит, и больше никого туда не допускают. Даже бояр никого! Боярам можно только в комнату, они его там дожидаются. И там же, в красном углу, стоит царское место, престол, а вдоль других стен лавки. Но на лавках никто не сидит, не положено! Это только по великим праздникам или если дело очень хлопотное, государь может позволить сесть. А сам всегда сидит! В шапке. А они все стоят без шапок. Но это когда царь здоров. А тут он, наверное, уже недели с три как не мог усидеть, и обустроили ему лежанку на царском месте – с подушкой, с одеялами. И так он там сегодня и лежал, в этом гнезде, с утра. Бояр выслушивал. После стало ему худо, и отнесли его в мыльню. А его мыльня тоже там, за крестовой, через сени от опочивальни. Долго его там парили! Я спрашивал, Тимошка Хлопов парил. И напарил очень славно! А эти стояли, ждали. После его к ним вынесли. Он был румяный, веселый, все вот так вот руки утирал и усмеялся. А после там же обедал. Это когда уже почти что всех прогнали. Может, только пятеро, ну, или четверо бояр остались. И вот он обедал, а они стояли. И он хорошо пообедал, с охотой и даже с охотой выпил чару. А после лег спать. Но не спалось ему! И он тогда говорит: «Нет, не ложится. Позовите Родьку». Это, значит, Родиона Биркина. Пришел этот Родион, они с ним сели, государь вот так вот вперед наклонился, стал расставлять шахматы... И вдруг упал! Глаза закатил и помер. Вот и все!

Тут дядя Трофим сам взял бутыл, сам налил двоим и сам первый выпил. За ним выпил и Маркел, утерся и спросил:

– Какие шахматы?

– Обыкновенные, немецкие, – сказал дядя Трофим. – Я их сам видел. Государь вот так лежал, руки раскинувши, а шахматы вокруг него валялись. А Родька стоял в углу, вот так пасть свою раззявил и грыз свою руку, волчара! Я сразу кинулся к царю, встал на карачки, принялся... А Бельский уже шипит: «Вон! Вон его!» И меня за шиворот и выволокли!

– А что ты вынюхивал? – спросил Маркел тише обычного.

– Отраву, что еще, – еще тише ответил дядя Трофим.

– И... что?

– Ничего! Да и не дали мне приняться.

– А если бы дали?

– Кто знает!..

Маркел помолчал, потом спросил уже немного громче:

– И что теперь?

– Как что?! – сказал дядя Трофим уже совсем обычным голосом. – Лопаря кто-то зарезал, вот что. А лопарь – наш, он в наши приказные книги записан, а не в дворцовые, как тут Степан брехал. Так что нам надо лопаря дальше расследовать. Со всей строгостью! Потому что у него был умысел на государя и умысел сбился! И вот, ты спрашивал, вот это мне!

С этими словами дядя Трофим выложил на стол кусок овчинки. Кусок был круглый, небольшой, вершковый. Дядя Трофим его перевернул... И Маркел увидел, что на его обратной стороне выжжен двуглавый царский орел.

– Вот это мне, – еще раз сказал дядя Трофим. – Мне эта овчинка любую дверь откроет и любой язык развяжет.

Маркел молчал.

– А вот это, – продолжал дядя Трофим. И выложил на стол еще одну овчинку, немного поменьше. И быстро спросил: – Это чье?

Маркел задумался. После медленно протянул руку вперед, также медленно перевернул овчинку – там был такой же герб – и потянул ее к себе.

– Смотри! – строго сказал дядя Трофим. – Был у меня добрый помощник Васька. Три года у меня служил. Много мы с ним славных дел содеяли. А после не уберется он, отведал грибочков, вот точно как ты сегодня – и не стало Васьки! Так что смотри у меня, не ешь без спросу чего ни попадя, не лезь под нож, слушайся меня во всем – и когда-нибудь останешься здесь жить вместо меня, и уже тебе будет Демьяниха пироги, а Герасим ушицу носить.

– Дядя Трофим!.. – начал было Маркел.

– Хватит болтать! Нам надо дело делать! Вставай!

Маркел сунул овчинку за пазуху и встал следом за дядей Трофимом.

9

Во дворе крепко морозило, потрескивал лед под ногами. Зато было светло, потому что небо было чистое, а луна большая, почти полная. Дядя Трофим и Маркел обошли князя Семена хоромы и подошли к воротам. Там им сразу же, без всяких слов открыли. Они перешли через дорогу и подошли к дворцовым, Куретным воротам. Там дядя Трофим постучался в калитку.

– Кто? – спросили недовольным голосом.

– По государеву делу, – ответил дядя Трофим.

В калитке открылось окошко. Дядя Трофим сунул туда овчинку. Калитка открылась. За калиткой стояли стрельцы в белых кафтанах. Дядя Трофим назвал «Смоленск», стрельцы расступились, и дядя Трофим с Маркелом пошли дальше. Они опять шли по Заднему государеву двору, двор был, конечно, пуст, светила яркая луна, потрескивал на лужах лед, было морозно. Маркел спросил, куда они идут, дядя Трофим сказал, что к лопарю. Пройдя через Задний двор, они взошли на невысокое крылечко, дядя Трофим стукнул в дверь, показал овчинку, назвал «Смоленск», и их впустили уже во дворец. Там они еще немало шли в сплошных потемках, поворачивали то в одну, то в другую сторону, их еще три раза останавливали, и теперь уже не только дядя Трофим, но и Маркел показывал овчинку. Наконец они опять вышли во двор, но в уже в Передний, царский, и там свернули под уже знакомую Маркелу лестницу, показали овчинку, сказали «Смоленск» – и их пустили, уже опять во дворец, вниз по еще одной лестнице. Там, в самом низу, в сенях тоже стояли стрельцы в белых кафтанах.

Эти уже ничего не спрашивали, дядя Трофим только кивнул их старшему и прошел дальше, в застенки. Маркел прошел за ним следом.

В застенке прямо напротив двери возле дыбы стоял человек. Он был без шапки и голый по пояс, но Маркел его сразу узнал – это был один из тех троих, которых он вчера здесь видел и тогда был пищик, он сидел за столом и записывал. А теперь он стоял под дыбой и был в хомутах. Рядом с ним стоял Ефрем в красной рубахе. Ефрем был очень грозный и так и сверкал глазами. А за столом сидел уже другой, новый пищик и настороженно смотрел на дядю Трофима. Дядя Трофим строго сказал:

– Гришу вижу. А те остальные двое где?

– Ищут их, – ответил новый пищик. И постучал пером в чернильницу.

– Как это ищут? – еще строже спросил дядя Трофим. – А куда они девались?

– Так по домам они пошли. Всех распустили же, – ответил новый пищик. – А после стали их искать. Но нашли только вот этого... – И он кивнул на того, кто стоял возле дыбы, то есть на бывшего пищика.

Дядя Трофим повернулся к нему и спросил:

– Гриша, где Филат? А где Сысой? Ты куда их подевал, скотина!?

Гриша, то есть бывший пищик, молчал.

– Гриша! – повторил дядя Трофим. – Я у тебя спрашиваю.

– Не знаю я! – дерзко ответил Гриша.

Дядя Трофим подошел к дыбе, совсем близко к Грише, почти голова к голове, и еще раз сказал:

– Гриша! Ну! – и согнутым указательным пальцем постучал себя по уху.

Но и тогда Гриша смолчал. Дядя Трофим показал рукой вверх. Ефрем потянул за веревку, и Гриша поднялся, повис. Но руки у него еще держались.

– Гриша, – сказал дядя Трофим. – Я шутить не люблю. Где они оба?

– Откуда я знаю! – сказал Гриша. – Ты ушел, и мы тоже стали собираться. А что здесь было делать? Я книгу отдал, Филат ее замкнул, и я пошел.

– А где Филат?

– Я не знаю!

– А кто лопаря зарезал?!

Гриша промолчал. Дядя Трофим мотнул рукой. Ефрем встряхнул веревкой, Гриша дернулся, но руки опять удержал, не дал им вывернуться, хоть сам весь покрылся потом.

– А ты крепкий, Гриша, – сказал дядя Трофим и сделал Ефрему знак. Ефрем ослабил веревку, Гриша опустился и встал ногами на пол. – Ох, дурень ты, Гриша, дурень, – участливо сказал дядя Трофим. – Не ты ведь лопаря зарезал, я же это чую, а отвечать будешь ты. А твои приятели буду у себя дома на печи полеживать да над тобой посмеиваться.

– Га! – гневно воскликнул Гриша. – Полеживать! На печи! Не там вы ищите! В канаве они, вот где!

– А ты откуда знаешь, что в канаве? – насмешливо спросил дядя Трофим. – А если в канаве, то в какой? Почему не говоришь, в какой?! Может, клещей хочешь попробовать? Или утюга?

Гриша молчал. После облизал губы, сказал:

– Ничего я тебе не скажу. Потому что не знаю. Лучше сразу руби голову.

– Э! – сказал дядя Трофим. – Да как же это можно? Я, Гриша, не злодей, чтобы без суда рубить. Вот присудят, я и отрублю. Если Ефрем позволит, потому что это его служба. А пока не обессудь! – И он опять махнул рукой.

Ефрем дернул веревку, и Гриша снова повис. Дядя Трофим обернулся к Маркелу и будто бы с участием спросил:

– А ты чего стоишь? Иди, присядь. В ногах правды нет.

– Я ничего, я постою, – сказал Маркел.

– А! – сказал дядя Трофим. – Хочешь сам попробовать. Ну и Бог в помощь. Давай! – и даже поманил рукой.

Маркел подошел к дыбе. Гриша смотрел в сторону.

– Вот что, – сказал дядя Трофим. – У меня, сам знаешь, сколько сейчас всяких хлопот. Так я пойду пока, скоро вернусь, а ты поговори с ним. Может, он с тобой разговорится. Может, ты какое слово знаешь. – И дядя Трофим и в самом деле развернулся и пошел к двери, и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

А Маркел стоял столбом и не знал, с чего начать. Еще бы, думал он, допрашивать в Москве! В государевом застенке! Ему от таких мыслей стало жарко, и он утер пот со лба. После осторожно посмотрел на Гришу. Гриша смотрел в сторону и даже как будто усмехался. Маркела взяла злость, и он громко сказал:

– А ну посмотри мне в глаза!

Гриша посмотрел.

– Где твои приятели? – спросил Маркел.

Гриша молчал. Пищик от стола сказал:

– Мы их и дома искали, и по дороге. Они как сквозь землю провалились!

– А далеко они живут?

– Один на Балчуге, а второй здесь близко, в Китай-городе.

– А этот? – И Маркел кивнул на Гришу.

– А этот совсем здесь. В подсоседях у одной старухи.

– Какая старуха?! – обиделся Гриша. – Да ей еще... – и замолчал.

– Поздно тебе теперь о бабах думать, – насмешливо сказал пищик. И продолжал: – Там мы его и взяли, у той бабы. Они только сели за стол, а тут мы!

– Ладно, – сказал Маркел. – Это не наше дело, кто у кого в подсоседях. – Повернулся к Грише и спросил: – А вот кто лопаря зарезал? Ты?

И резко махнул рукой! Ефрем рванул веревку, Гриша взлетел под перекладину! Маркел махнул вниз – и Гриша полетел обратно, грохнулся об пол и застыл. Маркел быстро опустился на колени, взял Гришу руками за голову и посмотрел ему в глаза. Взгляд у Гриши был оставившийся.

– Жив, жив, – сказал Ефрем. – Таких черт не берет.

Гриша закашлялся, повел глазами. Маркел сказал:

– Ты, Гриша, на меня не гневайся, я человек подневольный. Велят тебя поднять, и я еще раз подниму. Но зачем тебе себя мучить? Скажи, кто здесь был, пока дядя Трофим ходил обедать, и мы тебя отпустим. Ну! Говори!

Гриша молчал и то закрывал глаза, то открывал.

– Мочало! – приказал Маркел.

Ефрем подал мочало. С мочала капала вода. Маркел сунул мочало Грише. Гриша схватил его зубами, стал обсасывать. Маркел терпеливо ждал. Насосавшись, Гриша выплюнул мочало, повернул голову к Маркелу и сказал:

– Нашли дурня! Я вам сейчас расскажу! И вы мне сразу кишки выпустите.

– Зачем выпускать? – удивился Маркел.

– Как зачем?! – ответил Гриша. – Непростой он человек, вот что. Вы за него не только кишки, а и...

И тут он замолчал, и стал смотреть на Ефрема. Маркел велел Ефрему:

– Выйди вон.

– Чего это я вдруг буду выходить? – обиделся Ефрем. – Здесь мое место. Я здесь двадцать лет служу.

– А я сказал: выходи! – уже громко, в голос повторил Маркел. – Дойдет до тебя время, будешь говорить, а пока молчи!

– А, язва, так ты мне грозить! – взревел Ефрем. И руки поднял, и продолжил: – Я выйди, а ты останься! Что ты задумал, пес?!

– Выйди вон, я еще раз сказал! – уже тоже проревел Маркел. – По государеву делу! – и вытащил овчинку. – Вон, я кому сказал! Вон, пока не позову! – и стал трясти овчинкой.

Ефрем злобно рыкнул, но больше противиться не стал, а развернулся и пошел вон из застенка. Маркел посмотрел на пищика. Пищик смотрел перед собой и делал вид, будто чистит перо. Маркел посмотрел на Гришу и сказал:

– Вот! Видел? Я тебя пока что пожалел. А будешь запираяться, я его обратно позову. И он тебе Крым покажет!

Гриша молчал. Маркел продолжил:

– Если будешь отпираться, мы тебя еще раз поднимем. И будем держать до утра! И я еще велю кнута. И веника паленого! Так что лучше сразу говори.

– А что, я скажу... – ответил Гриша, и он это сказал так тихо, чтобы за столом было неслышно. И так же тихо продолжил: – Пришел один человек, достал нож и зарезал. А нам велел молчать. И ушел.

– Кто это был? – спросил Маркел тоже очень тихим голосом.

– Один очень важный человек. У тебя через забор толчется.

– Га! – сердито воскликнул Маркел. – Откуда ты про мой забор знаешь? Я рославльский!

– Вот я про Рославль и говорю, – сказал Гриша. – Кто у тебя за забором?

Маркел молчал.

– Вот он и зарезал! – сказал Гриша.

– Дурень! – в сердцах сказал Маркел. – И висеть тебе здесь, пока не помрешь, вот что я тебе скажу. А мог отвертеться! Если бы того назвал.

– Ну и назвал бы, – сказал Гриша. – А что дальше? Кто бы мне поверил? И опять подняли бы на дыбу, только теперь уже для сверки. Так ведь?

Маркел молчал. Гриша сказал:

– Дай мне еще мочало. Что-то горит внутри. Ох, как горит!

И открыл рот, и захрипел! Из рта пошла пена! И его стало всего трясти!

– Эй, ты! Эй, ты! – всполошился Маркел. – Ты чего это? Уймись! Вот мы тебе сейчас! – И крикнул пищику: – Сюда, болван! Подсоби!

Пищик подбежал к нему, посмотрел на Гришу и кинулся дальше, к двери, раскрыл их и закричал:

– Ефрем! Ефрем!

Прибежал Ефрем, схватил ведро и окатил Гришу водой, а после встал перед ним на колени и начал оглаживать его руками и что-то приговаривать – то медленно, то быстро, то опять медленно, – а то просто крестить его, а после опять оглаживать. После сказал:

– И вот еще травкой!

И в самом деле тут Ефрем полез к себе под рубаху, достал оттуда мешочек, развязал его, насыпал из него себе на ладонь какой-то серой трухи (наверное, сушеной травы) и затолкал ее Грише в рот. А после заставил это проглотить. А после дал запить.

И Гриша мало-помалу очухался. Открыл глаза и даже улыбнулся.

– Вот так надо, – сказал Ефрем. – По-христиански. Понял?

Маркел молчал. Вдруг сзади послышалось:

– Учись, Маркел.

Они все трое обернулись. В дверях стоял дядя Трофим. Маркел и Ефрем вскочили на ноги. Дядя Трофим спросил:

– Что тут у вас нового?

– Ничего, – сказал Маркел.

– Ну и пока что ладно, – сказал дядя Трофим. – Пусть Гриша полежит, оклемается. А у нас дела. Нас князь Семен зовет. Пойдем!

Маркел встал и медленно, как будто нехотя, пошел к двери. Пищик спросил:

– А с лопарем что делать?

– Схороните его, – ответил дядя Трофим.

– А он крещеный разве? – удивился пищик. – И как его тогда хоронить, если он нехристь? И где?

– Не хоронить, а схоронить! – строго поправил его дядя Трофим. – В ледник его! И обложить как следует. А похоронить всегда успеете. Да и чего его хоронить, если он некрещеный? И на государя умышлял! Но пусть пока полежит, может, еще пригодится.

И он развернулся, Маркел вместе с ним, и они оба вышли из застенка.

10

Дальше они, пройдя через сени, поднялись по лестнице наверх, открыли входную дверь, и Маркел уже шагнул было дальше, во двор... Но дядя Трофим взял его за рукав и негромко сказал:

– погоди!

Маркел остановился. Дядя Трофим, теперь уже ничего не говоря, потянул Маркела за собой, и они зашли под небольшой навес. Укромное место, подумал Маркел, здесь их со стороны совсем не видно, а зато им виден весь двор.

– Славный схрон, – сказал дядя Трофим негромким голосом. – Ну а теперь рассказывай, что там у вас было, пока я ходил.

– Ничего у нас особенного не было, – нехотя ответил Маркел. – Только один Гриша нам остался, а тех двоих убили, это теперь уже ясно. Нет их нигде!

– И это хорошо, – сказал дядя Трофим. – Если их убили, значит, они много знали. Значит, мы правильно идем, по следу. А что еще Гриша сказал? Назвал кого?

– Ну, не совсем, – ответил Маркел. – Только сказал, что приходил к ним один человек, зарезал лопаря и ушел. И велел молчать!

– И они молчат! – со значением сказал дядя Трофим. – Даже на дыбе! Значит, очень непростой был человек, если они его так слушаются. – Потом спросил: – И что, Гриша тоже молчал? И ни словечка не сказал? Не верю!

– Ну, немного говорил, конечно, – ответил Маркел. – Но не напрямую, а так, загадками. Вот, говорил, будто тот человек, который убил лопаря, у меня в Рославле за забором толчется.

– Так и сказал, что в Рославле? – переспросил дядя Трофим. – Слово в слово?

– Ну, не совсем, – ответил Маркел. – Просто сказал: у меня за забором.

– Сказал: «толчется»? – уточнил дядя Трофим.

Маркел кивнул. Дядя Трофим подумал и сказал:

– Ага! – потом совсем тихо прибавил: – Васька Шкандыбин это, вот кто!

Маркел молчал. Дядя Трофим продолжил:

– И это очень просто. Не мог Гриша тебе прямо говорить, не хотел, чтобы другие слушали, вот он и говорил загадками. Поэтому и получается, что если он сказал, что за твоим забором, то это не за тем, рославльским, а здесь, за нашим, за князя Семена, ясно? Ведь ты же там сейчас живешь, поэтому и за твоим! А теперь дальше: за князя Семена двором стоит двор Богдашки Бельского, подлой скотины... Но ладно! Не беря к сердцу, просто скажем: там стоит двор Богдана Бельского, государева оружничего. Понял?

– Так это, что ли, он?! – недоверчиво спросил Маркел.

– Нет, конечно! – ответил дядя Трофим. – Пойдет он тебе лопаря резать, а как же! Разве это его дело? Да и Гриша говорил же: толчется! А Бельский там не толчется, а жительствоует. Толчется у него Васька Шкандыбин, старший сторож, сын боярский из Коломны. Вот этот истинно толчется! Я как на крыльцо ни выйду, всегда его вижу. Туда-сюда прохаживается, пальцы вот так за пояс вставит, брюхо вперед выпятит и сапогом вот так пяткой упрется и носком повертывает. Пес!

– И нам нужно его брать? – спросил Маркел.

– Покуда еще нет, – сказал дядя Трофим. – Да его и не возьмешь так просто. Сперва надо, чтобы на него кто-то сказал. А если кто и скажет, то, не тебе законы объяснять, такого говоруна надо сперва на дыбу, и он там должен это повторить. А это не всякий сможет. Вот наш Гриша и молчит, висит и ничего напрямую на Ваську не рассказывает. А как три дня отвисится и ни на кого не скажет, то мы, опять же по закону, должны его снять. И мы снимем. Да и если он даже скажет, а после под пыткой подтвердит, что приходил к ним Васька и зарезал лопаря... А Васька, знаешь, что скажет в ответ? Что это наговор, что это лопарь Гришу околдовал, вот он и несет чего ни попадя. Или если даже мы докажем, что нож, которым лопаря зарезали, это нож Васькин, то он и тогда вывернется! Он же тогда скажет так: да, был грех, зарезал, лопарь его околдовал, и он не удержался. А теперь, скажет, винюсь. И что ему за это будет? Наложат на него епитимью, и будет он сорок дней поклоны бить. И то если он Бельскому во все эти дни не понадобится. А если понадобится, то он его в тот же день выкупит, вот и все!

– Так что нам тогда теперь делать? – спросил Маркел.

– А мы, – строго сказал дядя Трофим, – должны не спрашивать, что нам, бедным, делать, а ясно и понятно показать, что Шкандыбин лопаря убил не просто так от колдовства и ни от чего другого, а единственно по злобному умыслу, желая государя погубить, вот что! Шкандыбин же, я понимаю, думал как? Что пока жив колдун, то государю никакой беды не сделаешь, колдун его охраняет, и поэтому надо сперва колдуна убить, и тогда делай с государем, что хочешь!

– Так, ты думаешь, царя убили? – чуть слышно спросил Маркел.

– Да, – коротко сказал дядя Трофим. – И я тебе после растолкую, что здесь к чему. А пока мы будем делать вот что: сейчас пойдем и переговорим с Ададуновым. С тем, который лопаря сюда привез. Ададунов много чего знает! Вот мы у него и спросим, кто к нему на этой последней неделе заживал и про колдуна как будто невзначай расспрашивал. И оторви мне голову, Маркел, если он нам не скажет про Ваську! Пойдем, пойдем! Не беда, что уже ночь, кто же такой ночью спит, если такая у нас всех беда – царь-государь преставился!

И он указал на дворец. Маркел присмотрелся и увидел, что и в самом деле во многих окнах в щелях между ставнями был виден свет.

– Пошли! – опять сказал дядя Трофим. – Ададунов здесь недалеко. Он же сегодня в карауле, на верхнем рундуке возле царицыной лестницы. Ну!

И они вышли из-под навеса и пошли вдоль дворцовой стены.

11

Вскоре они подступили под очень высокое, так называемое Постельное крыльцо и там повернули, спустились вниз по кирпичным ступеням и остановились перед дверью. Дядя Трофим постучал условным стуком, им открыли, он показал овчинку и сказал «Смоленск», Маркел тоже сказал, и их пропустили во дворец. Там они опять пошли по его нижнему нежилому этажу, по низким длинным переходам. В сенях, когда такие попадались, их каждый раз останавливали тамошние сторожа, дядя Трофим показывал овчинку, говорил, что они по государеву делу, и их пропускали дальше. Потом они с нижнего нежилого поднялись на первый жилой этаж, там повернули к терему, прошли через первый рундук (там дядя Трофим, кроме

Смоленска, назвал еще Казань) и поднялись еще выше, уже на второй жилой этаж. И вот там, на верхнем рундуке, стояли уже не стрельцы, а так называемые ближние государевы жильцы. У этих жильцов у каждого было по маленькому серебряному топорiku на длинной ручке, и они стояли очень плотно. Дядя Трофим назвал Казань, жильцы ему в ответ назвали Астрахань, но при этом ни на шаг не расступились. Дядя Трофим, как ни в чем не бывало, спросил:

– А где Федя? – И, так как они промолчали, прибавил: – Федя Ададулов.

– Какой он тебе Федя?! – сердито ответил один из жильцов. – Он тебе Федор Григорьевич! Да он государев ближний...

– Но-но! – грозно перебил его дядя Трофим и поднял вверх овчинку. – Не треплите имя государево! Государь помре!

Жильцы понемногу стали расступаться. Дядя Трофим пошел вперед. Маркел пошел за ним. Дальше, за жильцами, была дверь. Дядя Трофим стукнул в нее и сразу же вошел. Там, прямо напротив двери, на мягкой лавке сидел очень важный господин в богатых одеяниях, без шапки и пил из кубка. Вокруг господина стояли жильцы, их было не меньше четырех. Господин посмотрел на вошедших и начал было грозно хмуриться... Но тут же смутился и приветливо сказал:

– Трофим! – И даже добавил: – Трофимушка! – После чего повернулся к жильцам и сердито велел: – Пошли все вон! И дверь прикройте!

Когда жильцы вышли, этот господин (а это был, конечно, Ададулов) опять очень приветливо продолжил:

– Трофим! Я тебя сразу узнал! – Отставил кубок и сказал: – Садись.

Дядя Трофим сел на еще одну лавку, напротив хозяйской. Ададулов глянул на Маркела, но ему ничего не сказал. Маркел остался стоять. Ададулов опять повернулся к дяде Трофиму, и тот сказал почти насмешливо:

– Рад, что ты меня не забыл, Федя. А я думал, забудешь.

– Ну как же! Ну как же! – сказал Ададулов. Опять быстро глянул на Маркела и тихо спросил: – А это кто?

– А это наш Маркел, – ровным голосом сказал дядя Трофим. – Он у Ефрема в натаске. Вот я и взял его к тебе.

– Ты это брось! – сердито сказал Ададулов. – А то сейчас кликну своих!

– Лопаря ты уже кликнул, Федя, – насмешливо сказал дядя Трофим. – И государь пре- ставился. По твоему кличу!

– Почему по моему? – тихо спросил Ададулов. – Я здесь при чем? Государь давно болел, еще с осени, еще когда послы от Лисаветы приезжали.

– От Лисаветы! Каково хватил! – строго сказал дядя Трофим. – А лопарь другое говорит.

– Лопарь говорит! – повторил Ададулов. – Да его еще в обед убили.

– А ты откуда это знаешь? Кто тебе сказал про это? – И дядя Трофим, повернувшись, прибавил: – Маркел!

Маркел выступил вперед.

– Э! Э! – воскликнул Ададулов. – Вы чего это?! Полегче!

Дядя Трофим махнул рукой, Маркел присел на лавку. Дядя Трофим опять повернулся к Ададулову и продолжал уже так:

– Ничего лопарь мне не сказал. Если бы сказал, я к тебе не ходил бы. А так он говорил только одно: что государь умрет сегодня. И он так и умер.

Тут дядя Трофим перекрестился. Маркел и Ададулов тоже.

– Вот так, – сказал дядя Трофим. – Бог дал, Бог взял. И никому из нас не ведомо, какой нам срок даден. Гадания, ворожения, заговоры, переплюю всякие – все это суть волхование, и колдовство, и смертный грех. Но! Все-таки!.. – И он, немного помолчав, спросил уже совсем

негромким голосом: – А вот как ты думаешь, Федя, вот если лопарь знал, сколько государю жить осталось, то знал ли он и про себя, что его тоже сегодня зарежут?

– Я думаю, что нет, – ответил Ададунов. – У колдунов, говорят, так всегда: они только про других знать могут, а про себя им Господь заслоняет.

– Как это – Господь?! – опять громко сказал дядя Трофим. – Ты что это, Федя, Господа при таких бесовских действиях поминаешь?! Ты знаешь, что за это может быть?!

Ададунов помолчал, после сказал:

– Какой ты злой, Трофим! Каким я тебя видел в первый раз, таким ты и сейчас остался. Знаешь, почему я тебя так крепко запомнил? Потому что злей тебя я никого в жизни не видел!

– А ты добрый, Федя! – сказал, улыбаясь, дядя Трофим. – И за эту доброту наш добрый царь-государь тебя к себе приблизил. Он добрых, ох, как любил! Бывало, как куда приедет, так сразу...

– Ладно, ладно, – перебил его Ададунов и даже махнул рукой. – Государя еще даже в гроб не положили, а ты уже знай молоть. Грех это, Трофим. Все мы божьи твари, и у каждого свой крест.

И он перекрестился. А дядя Трофим не стал креститься и сказал:

– Так, говоришь, что еще в гроб не положили? Он, что ли, еще у себя?

Ададунов согласно кивнул.

– И ты его там видел?

Ададунов еще раз кивнул.

– И как он?

– Что «как»? – не понял Ададунов.

– Ну-у...

– А! – сердито сказал Ададунов. – Нет, ничего такого я не видел. А вот старые люди говорят, что, когда его мать померла, тогда ее всю разнесло и кожа струпами покрылась. Потому что такой яд!

– Яды бывают разные, – сказал дядя Трофим.

– Я это знаю, – сказал Ададунов.

– А лопарь яды варил?

– Зачем ему яды?! – сказал с усмешкой Ададунов. – Если ему нужно было сжить кого со свету, он и без ядов сживал. Вот так сядет на снег, возьмет нож, нарисует кого надо, после ножом его ткнет – и снег сразу красный. Он мне это показывал.

Маркел перекрестился. Дядя Трофим спросил:

– А на кого гадали?

– На злого человека одного, – уклончиво ответил Ададунов.

– Так, может, он и на царя так погадал?

– Зачем?! Царь ему много добра сулил.

– Чего он тогда его не вылечил?

Ададунов вздохнул и сказал:

– Кто его знает! Чужая душа потемки, а колдовская тем более.

– Так... – начал было дядя Трофим, но тут же сбился, а после все же сказал: – Так ты думаешь, царя убили?

– А ты что думаешь? – спросил Ададунов.

Дядя Трофим молчал.

– Э! – насмешливо воскликнул Ададунов. – Если бы царь помер сам по себе, ты ко мне не приходил бы. А если ты пришел, то, значит, ищешь злодея. Только зачем мне его было убивать? Кто я был до царя? Никто! Голь перекатная! А теперь я ближний дворянин, царицын терем охраняю. И, может, дальше вверх пошел бы, если б царь не помер. А теперь что со мной будет, кто скажет?! Лопарь мог бы сказать, да его кто-то убил.

- А кто убил? – тут же спросил дядя Трофим.
- Злой человек, – уклончиво ответил Ададулов.
- А ты на кого думаешь?
- А мне думать не положено. Мне положено стоять на рундуке и никого на царицыну половину не пускать.
- А лезут?
- Лезут иногда. По дури! И не к царице, конечно.
- Ну, и слава тебе, Господи, – сказал дядя Трофим и перекрестился. – Овдовела наша государыня. Теперь небось слезами умывается. – И вдруг сказал: – Когда лопаря убили, я под ним нож нашел. Нож можно опознать.
- А можно и подбросить, – сказал Ададулов.
- Можно, – кивнул дядя Трофим. И вдруг быстрым голосом спросил: – А Шкандыбин у тебя бывает?
- Его нож? – спросил Ададулов.
- Может, и его, – сказал дядя Трофим.
- Нет, – сказал Ададулов. – Шкандыбин ко мне не ходил. И ничего про лопаря не выспрашивал. Если тебе это интересно.
- А кто выспрашивал?
- Ададулов усмехнулся и сказал:
- Да вроде бы никто.
- Злой ты человек, Федюня! – сказал дядя Трофим. – Царь-государь столько для тебя добра сделал, из грязи тебя вытащил, отмыл, накормил, на ум поставил, а ты его убийца знаешь и молчишь. Нехорошо! Грех это!
- Ададулов покраснел, после даже пошел пятнами... И не удержался и сказал:
- А вот и нет! Кто это? – и указал на Маркела.
- Дядя Трофим твердо ответил:
- Это мой подьячий. Если меня убьют, он это дело вместо меня примет.
- Ададулов посмотрел на Маркела. Маркел перекрестился.
- Ну! – громко сказал Ададулов. – Ну, Господи, спаси и сохрани!
- После полез за пазуху, достал оттуда платочек, поднес его к свету (к лучине) и тихо сказал:
- Это государевы. Сегодня взял. Уже с ложа.
- Что это? – спросил дядя Трофим.
- Это его волос. А это ноготь, с мизинца, – чуть слышно сказал Ададулов. – Это когда он уже преставился.
- О! – только и сказал дядя Трофим. После прибавил: – Дай!
- Ададулов дал. Дядя Трофим завязал платок и сунул его себе за пазуху.
- Знаешь, что с этим делать? – спросил Ададулов.
- Как не знаю!.. – сказал дядя Трофим. – Я это порой делаю. Прости, Господи! – и мелко перекрестился. А после, помолчав, прибавил: – Я же, когда туда вбежал, тоже хотел это срезать. И я уже к нему кинулся, встал на карачки и только руку протянул... Как Бельский уже шипит: «Уберите его!» И убрали. А ты после пришел и взял. Низкий тебе поклон за это!
- Тут дядя Трофим и вправду ему поклонился.
- Да уже ладно тебе! – смущенно сказал Ададулов. – Я не христианин, что ли?
- Ну, мало ли, – уже опять сердито продолжал дядя Трофим. – Поэтому я тебе сразу прямо вот что говорю: если надумаешь на нас сказать, я ведь тоже не буду молчать! И я укажу, кто ногти государю резал и кто ему бороду драл, когда его уже отпели!
- Тьфу на тебя! – воскликнул Ададулов. – Злой ты какой!..

– Тут с вами будешь злым. А за это еще раз поклон. – И дядя Трофим похлопал себя по груди по тому месту, куда спрятал платок. Встал и сказал: – Ну, мы пошли. У нас служба. А скоро рассвет!

И он, а за ним Маркел развернулись и пошли к двери. И вышли оттуда вон.

12

Теперь им уже никто не заступал дороги, и дядя Трофим с Маркелом быстро спустились с верхнего рундука на нижний, а дальше через двойные сени вышли на Задний двор, опять рядом с Куретными воротами. Небо было еще темное, но луны уже не было видно. Дядя Трофим с Маркелом подошли к воротам. Там их даже без «Смоленска» сразу пропустили.

Выйдя из ворот, они остановились. Дядя Трофим опять ощупал на груди то место, под которым был спрятан ададуровский платок, и посмотрел в сторону, на едва различимые в темноте Ризположенские ворота Кремля. До них было полсотни шагов, не больше.

– Федя нам славно пособил, – сказал дядя Трофим. – Вот только запутал все. Что мне теперь Васька Шкандыбин? Васька только лопаря зарезал, велико ли это дело?! А вот кто...

И он опять прижал руку к груди и улыбнулся.

– Что ты будешь с этим делать? – спросил Маркел.

– А ты не знаешь?

– Ну-у... – протянул Маркел.

– Вот ты и нукай! – поддразнил его дядя Трофим. – А я буду дело делать.

– Не христианское оно, – сказал Маркел.

– А то, что они делали, по-христиански?

– За то им воздастся.

– Га! – громко сказал дядя Трофим. – Может, и воздастся когда-нибудь. И в другом месте! А я хочу так, чтобы им воздалось здесь, и побыстрее! Чтобы я на это посмотреть успел. Да и я, – тут же прибавил он, – тебя в это не путаю. Христос с тобой! Я сам все что надо сделаю. А ты пока пойдешь ко мне и будешь там сидеть, так надо. Потому что вдруг со мной что случится или я даже просто задержусь, а князь Семен придет туда и спросит, как мои дела, и кто ему тогда ответит? Таракан запечный? А так ты чин по чину скажешь, что я пошел в одно место и скоро вернусь, место очень важное, но не у нас в Кремле, а за стеной.

– Так ворота же еще закрыты, – сразу же сказал Маркел. – Никого еще не выпускают.

– А я в ворота не пойду, – сказал дядя Трофим. – Зачем мне ворота? Да и ждать, когда они откроются, так это неизвестно когда будет. Ты хоть знаешь, когда их вчера вечером закрыли? Еще за два часа до темного! Когда захотели, тогда и закрыли! Так и сегодня откроют, когда захотят. А может, совсем не откроют...

– Как это? – спросил Маркел.

– А вот так! – сказал дядя Трофим. – Государь преставился, и на посаде, говорят, сразу крамола завелась. Хотят Кремль зажечь! Ну, или так нам говорят, что они там так задумали. Говорят, чтобы нас застращать. И вот уже все наши ну орать: закрывайте, закрывайте ворота! Вот их и закрыли. И стрельцов ко всем воротам поставили, и в башни их насовали и к пушкам. А кто все это велел? Богдашка Бельский! Простой царев оружничий. Вот какую власть себе забрал, и вся Дума молчит! А еще вчера они все говорили: фу, Богдашка! А теперь им всем Богдашка: фу! Так что...

Но тут дядя Трофим спохватился, замолчал, посмотрел по сторонам, усмехнулся и сказал уже с усмешкой:

– Ты меня, дурня, не слушай. Да ты ничего и не слышал. Спросят, где я, скажешь, у Марьи. А сам никуда не выходи. Лучше ляг да вздремни, оно будет полезней. А если нужно

будет что-то срочное, то зови Фильку, он все, что ты ему прикажешь, сделает, я ему вперед плачу. А сам, еще раз говорю, никуда не суйся! Ну да чего это я заболтался? Пошли!

Они перешли через дорогу, дядя Трофим постучал в калитку князя Семена ворот. Почти сразу открылось окошко. Дядя Трофим грозно спросил:

– Чего уставился?!

Сторож открыл им калитку. Дядя Трофим входить в нее не стал, а только спросил, не спрашивал ли кто его. Сторож ответил, что никто. Тогда дядя Трофим, повернувшись к Маркелу, сказал:

– Иди! И делай все, что я тебе велел.

Маркел вошел в ворота. Они за ним сразу закрылись.

13

Во дворе у князя было еще совсем пусто. Снег громко хрустел под ногами. Маркел зашел за поварню и начал подниматься по ступенькам. Помост был чисто подметен. Работающая у дяди Трофима соседка, подумал Маркел. Да и сама она из себя очень гладкая, видная, тут же подумал он.

Но почти сразу подумалось, что не ко времени про это вспоминается. Прости, Господи, все под тобою ходим, уже смиренно подумал Маркел, перекрестился, открыл дверь, переступил через порог...

И на него накинлись! Били очень крепко, но через полушубок получалось мягко. Маркел упал на пол, свернулся калачиком, прикрылся локтями. А эти продолжали бить. Теперь они били уже ногами. Но били не насмерть, заметил Маркел, значит, сейчас уймутся.

Так оно и случилось. Кто-то велел, что хватит, и бить перестали. Но Маркел лежал не шевелясь.

– Вставай, скотина! – громко сказал тот же голос, который говорил, что хватит.

Маркел поднялся на карачки, поискал в темноте шапку и надел ее.

– Вставай!

Маркел встал и осмотрелся. В горнице было темно, только теплились лампадки. Маркел никого не рассмотрел, он только слышал, что дышат с разных сторон.

– Да что вы, православные, – примирительно сказал Маркел, – белены объелись? Чего, как псы, кидаетесь?

– Попридержи язык! – ответил опять тот же голос. – Будут тебе еще и псы. Вот ты тогда поскалишься!

Маркел неслышно усмехнулся. Глаза его уже привыкли к темноте, и он видел перед собой большое белое пятно, а по бокам еще пятна. Ага, подумал он, вот это кто: стрельцы из дворцовой сотни, белохребетники! И поэтому сказал:

– А где ваш Степан Варфоломеевич? Чего он сам не пришел?

– Некогда ему с тобой возиться, – ответил все тот же голос.

А Маркел подумал: значит, угадал, значит, это и в самом деле белохребетники. Но дальше он подумать не успел, потому что этот старший из стрельцов уже спросил:

– А где Трофим?

– Какой Трофим? – переспросил Маркел.

– Илья! – громко сказал старший стрелец.

Илья (так надо понимать) ударил – и Маркел упал. На него сразу надели и начали бить остальные. Но по лицу почти не били, а больше по бокам. Значит, не хотят убить, опять подумал Маркел, значит, я им живой нужен и видный, чтобы было, что кому показывать.

– Стой! – велел старший стрелец.

Маркела перестали бить. Старший опять спросил:

- Где Трофим?
- По делам пошел, – ответил Маркел, отхаркиваясь кровью.
- По каким делам?
- А то он мне будет объяснять! Сказал: «Иди домой!» – и я пошел.
- Илья!

Илья ударил в бок. У Маркела брызнуло огнем в глазах, и он упал лицом в пол. Его начали трясти за волосы. Он понемногу очнулся.

- Куда пошел Трофим? – спросил старший стрелец.
- К одной бабе, – ответил Маркел, задыхаясь.
- К какой?
- Я ее не видел, – ответил Маркел. И вдруг закричал: – Побойтесь Христа, православные! Я здесь в первый раз! Я никого не знаю! Мало ли у вас здесь баб...

– Илья!

Илья еще раз ударил. Маркел упал и умер. Но полежал и очнулся.

- Как эту бабу звать? – спросил старший стрелец.
- Марья, – ответил Маркел. – А какая Марья, я не знаю. Только убери Илью!
- Илья!

Илья ударил несильно, но хитро, Маркел не умер, а его всего скривило, и ему стало нечем дышать. И еще глаза из орбит вылезли. И язык уперся в пол, а пол был грязный. Эх, почему-то подумал Маркел, надо было соседку позвать, она бы пол вымыла, поскоблила даже, давно его пора скоблить...

И тут он опять умер.

Когда же Маркел опять очнулся, то он уже лежал на спине, в горнице горел огонь, было светло, и над Маркелом сидели стрельцы.

- Вот что, холоп, – сказал старший из них, – молись Богу за Филиппа.
- А кто такой Филипп? – спросил Маркел.
- Филипп – это я, – сказал старший стрелец. – Надо бы тебя совсем убить, до смерти, но я пожалел. Да и еще Ефрем за тебе просил, уже не знаю, за что. А за Трофима Ефрем не просил! Так ему и передай, когда вернется. И чтобы к лопарю больше не лез, скажи. Если убили лопаря, значит, так было надо. И если Гриша удавился, значит, он тоже так хотел. Запомнил?

Маркел кивнул. Филипп усмехнулся и добавил:

– Лопарь – колдун. На царя наколдовал, и царь преставился. И лопаря за это зарезали. И что, это все, что ему за это причитается? Да я бы его еще на мелкие клочья разорвал, и сжег бы, и пепел по ветру развеял, а душу его черную, поганую в дерьме утопил бы! А его только ножиком пырнули. Значит, пожалели, как тебя.

Маркел молчал. Филипп улыбнулся и спросил:

- Когда вы от Гриши вышли, то куда дальше пошли?
- К девкам.
- К каким девкам?

Маркел улыбнулся и начал облизывать губы.

– Илья! – громко велел Филипп.

Илья кинулся к Маркелу. Маркел быстро-быстро зачистил:

– Я не знаю, как это место называется! Это в царевом дворце, идти нижним этажом, после сойти в подвал, за рундуком, возле поварни, там не было стрельцов, там просто сторожа...

- А девки как? – спросил Филипп.
- Девки как девки, – ответил Маркел.
- И он сейчас опять туда?

Маркел кивнул.

– А ты чего?

– А он мне велел здесь сидеть и ждать, а то вдруг кто станет его спрашивать, тогда сказать, что он у Марьи.

– Илья, – приказал Филипп врасстяжку.

Илья склонился над Маркелом и начал выворачивать ему руку. Маркел крепился, как мог. Илья аж вспотел.

– Клим! – вдруг сказал он.

Один из стрельцов ударил Маркела под ребро. Маркел охнул и расслабился – и Илья завернул ему руку! Маркел тихо завыл от боли.

– К кому? – спросил Филипп.

– К Марье, – ответил Маркел.

– К кому?

– К ней. К Марье.

– К кому?!

– К ней...

А дальше уже не было дыхания, Маркел молчал.

– Отпусти, – велел Филипп.

Илья отпустил руку. Рука не двигалась. Илья уложил ее туда, где ей должно было лежать. Маркел тяжело дышал.

– Я ухожу, – сказал Филипп, – и ты пока живи. Но если я узнаю, что ты мне сбрежал, то я опять к тебе приду. И к Трофиму тоже. Так и скажи Трофиму: пусть ждет Филиппа. А князю Семену ничего не говори, а то он начнет за вас заступаться и только беды себе наделает.

Тут Филипп встал с колен, поправил шапку, посмотрел на лежащего на полу Маркела... И вдруг спросил:

– Или ты, может, одумался? Может, чего вспомнил? Говори, пока не поздно.

Маркел молчал.

– Ну, как знаешь! – недобрым голосом предупредил Филипп. – Ты сам себе это выбрал. – И велел своим: – Пошли!

Они все вышли из горницы, за ними ляпнула дверь. Потом их шаги простучали по лестнице, проскрипели по двору и стихли. Маркел перевернулся на бок и сел, прислонившись спиной к лавке. Правая рука была как неживая. Как же я теперь нож возьму, в сердцах подумал Маркел, а если и возьму, то разве в кого пырну? Да только если в спящего, а это великий грех. Подумав так, Маркел повернул голову к иконам и прочитал про себя Отче наш. Лампадка возле Спаса дрогнула. Тогда Маркел еще раз прочитал, но теперь уже вслух. Руке стало легче, он ее немного поднял и даже кое-как перекрестился. Вот так, подумал он и улыбнулся, Господь помог, еще раза три прочту, и рука совсем поправится, и можно будет и за...

Тьфу, тут же подумал он, при чем здесь нож? И сразу еще: а где дядя Трофим? А кто Гришу удавил? А зачем дяде Трофиму царский волос с царским ногтем? Да если про это узнают и возьмут с поличным, то тут будет уже не дыба и не кол, а сожгут, к едрене матери, и пепел по ветру развеют, и душу... как это Филипп говорил, в чем утопят? Подумав так, Маркел недобро усмехнулся.

И тут раздался стук во входную дверь. Стучали условным стуком, дядя Трофим так стучал, когда они шли в царский дворец... И это значит, он опять стучит! Значит, уже вернулся! Маркел радостно сказал:

– Входи!

Раскрылась дверь, и в горницу вошла дяди Трофимова соседка! Она была одета по домашнему, без шубы. Вид у нее был очень строгий. А, вот оно что, сразу же подумал Маркел, тоже стал серьезным и сказал:

– Что, опять громко орали?

– Громко не громко, – сказала соседка, – а Нюську крепко напугали. Прямо дрожит вся.

– Винюсь, – сказал Маркел.

Соседка кивнула головой, еще немного помолчала, осмотрелась и сказала:

– А где Трофим Порфирьевич?

Маркел посмотрел на нее и вдруг почему-то подумал, что она имеет право про такое спрашивать. Может, у нее с дядей Трофимом... Мало ли! И Маркел сказал сердито:

– Ушел дядя Трофим. По делу.

– Какой он тебе дядя? – сказала соседка.

– Какой, какой! – еще сердитей ответил Маркел. – Какой надо, вот какой!

– Куда он пошел, знаешь? – спросила соседка.

– Знаю, – ответил Маркел.

– А этим сказал?

– А ты что, не слышала?!

Соседка усмехнулась и сказала:

– Слышала. Но еще раз спросить не грех.

Маркел молчал. Все у него болело, было гадко. Маркел приложил руку к щеке, прощупал зубы. После провел рукой под носом, там было много крови, но уже запекшейся.

– Дурень! – сказала соседка. – Ты что, кочерги не видел? Я кочергу возле двери поставила.

– Что кочерга? – спросил Маркел.

– А Трофим тебе про кочергу не говорил?

Маркел мотнул головой. Соседка сказала:

– И он тоже дурень. Надо же было сказать, что если у Параски кочерга, то берегись.

– А тебя Параской звать? – спросил Маркел.

– Можно и так, – ответила соседка. – Но не всем.

И усмехнулась. Маркелу сразу стало жарко! А она еще сильнее усмехнулась и продолжила:

– Но не про это сейчас разговор, а я еще раз говорю: у меня с твоим дядей Трофимом был уговор, что, если к нему кто залез, я выставляю кочергу. И он ее тогда берет. А ты, дурень, прошел мимо!

Маркела взяла злость, и он сказал:

– Дурень, дурень! Кочерга! Раньше надо было про нее рассказывать, а не сейчас!

– А ты не ори на меня! – тут же сказала Параска. – Орал бы на него! Это его промашка!

– А он откуда знал? – тоже громко ответил Маркел. – Он на воротах спрашивал, ему сказали, что все тихо. И он сказал: иди, и я скоро тоже подойду. Развернулся и ушел. А я пришел сюда, и мне вот что было! Через твою кочергу.

Параска при таких словах вся сразу очень сильно покраснела, уперла руки в боки, сверкнула глазами... Но так ничего и не сказав, развернулась и ушла. За ней дверь тоже очень громко ляпнула. Маркел крепко сжал губы и подумал: ух, какие в Москве люди злые! И так и остался сидеть, привалившись спиной к лавке. Потому что сил подняться у него все еще не было. Эх, с грустью подумал Маркел, лучше был он сюда не ездил, а сидел бы у себя в Рославле. Даже не столько сидел, сколько полеживал, потому что ну какие там дела? Одно безделье. И он, бывало, по неделе на службу не хаживал, а если вдруг его туда и призывали, то ради чего? То кто-то кому-то глаз подобьет, то у кого-то поросенка украдут, то еще какая-нибудь мелочь. А тут сразу царя отравили! А что?! Ведь именно так дядя Трофим думает, иначе зачем ему стали бы нужны царев волос с царевым же ногтем? А так он их сейчас взял и пошел, понятное дело, что к ворожее какой-нибудь и там у нее теперь спросит, отчего умер тот, чей это волос. Ворожея выложит волос на стол, на блюдечко, и начнет над ним, нашептывать, глаза закрывать, огонь воскуривать, а дядя Трофим жадно спрашивать... И тут вдруг стук в дверь! Она сразу с петель! Врываются стрельцы, хватают ворожею, и дядю Трофима, и волос и тащат их в Зем-

ский приказ! Или куда еще? И там на дыбу! Но дядя Трофим молчит! А ворожея, не стерпев, начинает орать: я ничего не знаю, это он меня заставил, это он принес мне этот чертов волос! Как это, спрашивают, чертов?! Ты какие ковы на царя возводишь?! Как, она кричит...

Ну, и так далее. То есть далее Маркелу думать не хотелось, и он подумал, что и в самом деле лучше бы он оставался в Рославле и служил в губной избе. А еще у них есть деревушка, три двора и сколько-то четей земли. Может, немного, но на самое необходимое хватает. И уже невесту присмотрели, все говорят, что клад, а не девица. Да и сам Маркел так думает. Мать говорит, смотри, сынок, бери, пока дают, а не то будет то, что тебе злая шептуха нагадала: черная вдова с дитем в злом месте!

Вспомнив про черную вдову, Маркел аж застонал от злости. А что! А ведь было такое! Два года тому назад на Святки черт его дернул погадать. И нагадали! Ох, мать тогда перепугалась! И еще из-за этой вдовы, когда Карп Никанорович повелел ему сейчас ехать в Москву, мать опять плакала и говорила: Маркелушка, смотри там, не пей, не гуляй, а не то нагуляешь вдову, сердце мое чует, нагуляешь! И что теперь скажешь? Маркел прислушался. За стеной было тихо. Маркел улыбнулся и вздохнул. А ведь она вдова, подумалось. Но вот какие у нее волосы, черные ли в самом деле, Маркел пока не знал, потому что волосы были надежно убраны в платок, но, по всему похоже, они у Параски действительно черные. А губы у нее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.